Пуговица,
или
Серебряные часы с ключиком

Альфред Вельм

aegitas

Альфред Вельм

Пуговица, или Серебряные часы с ключиком

«Aegitas»

1975

Вельм А.

Пуговица, или Серебряные часы с ключиком / А. Вельм — «Aegitas», 1975

ISBN 978-0-36-941255-3

Прибился осиротевший мальчонка к небольшому обозу. Впереди шагает старый человек в кошачьей телогрейке, перекинув через плечо черную палку. Это дедушка Комарек. Мальчишку зовут Генрих. Генрих Хаберман. Так вот и бредут они по военным дорогам. В близком лесу глухо рвутся снаряды… взлетает на воздух мост… умирает в своей колясочке маленький Бальдур, и Рыжего жандармы повесили на мертвом тополе… С первых же страниц этой книги, написанной известным писателем ГДР Альфредом Бельмом, лауреатом премии имени Генриха Манна и Национальной премии ГДР, мы погружаемся в самую гущу событий последних недель войны и начала мирной жизни на немецкой земле. Главному герою всего двенадцать лет, но он за один год пережил и повидал столько, сколько иному не доведется пережить и повидать за всю жизнь. Он ведь был «маленький гитлерюгенд», как он потом рассказывал о себе, верил в фюрера, верил в барона фон Ошкената, который, правда, бывал с ним добреньким только тогда, когда опустошал плоскую бутылочку, — о нем Генрих порой вспоминает во время длинных переходов в Померании, что «сгорела дотла». А потом… потом, когда они уже переправились через Одер и Генрих остался совсем один в брошенной деревушке Пельцкулен, пришли советские солдаты! И с ними пришел мир на немецкую землю. И принесли его солдаты, отцы которых, как рассказывал Генриху дедушка Комарек, в 1917 году совершили революцию в далеком Петрограде. Дедушка Комарек был тогда в плену в России, и революция принесла освобождение и ему. Для Генриха начинается совсем новая, такая сложная и интересная жизнь. Он живет в советской комендатуре вместе с веселым солдатом Мишкой, строгим сержантом Николаем, мечтательным Леонидом. Знакомится он и с майором Новиковым, участником гражданской войны в Испании. И скоро под влиянием пережитого и увиденного начинает понимать, где были ложь и обман. Но вот где правда,

ему еще предстоит постигнуть… Вот об этом, о пути постижения правды жизни в сложнейших условиях острой борьбы старого и нового на немецкой земле, и рассказывает эта увлекательная книга. И путь этот совсем не прост. На каждом шагу юного Генриха подстерегает опасность. То она выступает в лице мальчишки по прозвищу Рокфеллер, такого славного и доброго, однако ищущего счастья на черном рынке, где он продает окурки или шелковые чулки… То в лице Маргаринового босса — он чего хочешь может достать, в том числе и такие нужные крючки и лески. А то это и сам дедушка Комарек: он же решил совсем один основать большое рыболовецкое дело и даже озеро купить, чтобы потом промышлять копченым угрем и другими дарами этого озера. Распознать и увидеть все эти опасности помогают Генриху прежде всего советские солдаты и офицеры и Испанец — кузнец Альберт, посвятивший себя борьбе за мирную счастливую жизнь немецкого народа. Много еще и других людей встречает на своем пути к правде юный Генрих. Это и фрау Кирш со своей неиссякаемой добротой и любовью ко всему подлинно честному и хорошему. Это и его верный друг талантливый художник Отвин. И совсем, казалось бы, неприметный «человек в латаном свитере», которого Генрих сперва даже принимает за тайного сыщика — так пристально он посмотрел на него, — а человек этот и рассказал нам обо всех этих событиях и их героях в книге с загадочным названием «Пуговица, или Серебряные часы с ключиком». Книгу эту на его родине называют «поэмой о человечности», мы же назовем ее и «поэмой о дружбе между народами Советского Союза и Германской Демократической Республики». И, быть может, эти слова и есть тот ключик к таинственным часам, которые дедушка Комарек, уходя навсегда, передал Генриху Хаберману.

ISBN 978-0-36-941255-3

© Вельм А., 1975
© Aegitas, 1975

Содержание

Об авторе 8
Всеволод Михайлович Розанов 10
Поделитесь своими впечатлениями о книге 12
Отзывы читателей 13
Почему стоит прочесть? 14
Часть первая 15
Глава первая 15
Глава вторая 19
Глава третья 28
Глава четвертая 34
Глава пятая 39
Часть вторая 48
Глава первая 48
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Альфред Вельм
Пуговица, или серебряные часы с ключиком

Прибился осиротевший мальчонка к небольшому обозу. Впереди шагает старый человек в кошачьей телогрейке, перекинув через плечо черную палку. Это дедушка Комарек. Мальчишку зовут Генрих. Генрих Хаберман. Так вот и бредут они по военным дорогам. В близком лесу глухо рвутся снаряды… взлетает на воздух мост… умирает в своей колясочке маленький Бальдур, и Рыжего жандармы повесили на мертвом тополе…

С первых же страниц этой книги, написанной известным писателем ГДР Альфредом Бельмом, лауреатом премии имени Генриха Манна и Национальной премии ГДР, мы погружаемся в самую гущу событий последних недель войны и начала мирной жизни на немецкой земле. Главному герою всего двенадцать лет, но он за один год пережил и повидал столько, сколько иному не доведется пережить и повидать за всю жизнь.

Он ведь был «маленький гитлерюгенд», как он потом рассказывал о себе, верил в фюрера, верил в барона фон Ошката, который, правда, бывал с ним добреньким только тогда, когда опустошал плоскую бутылочку, – о нем Генрих порой вспоминает во время длинных переходов в Померании, что «сгорела дотла». А потом… потом, когда они уже переправились через Одер и Генрих остался совсем один в брошенной деревушке Пельцкулен, пришли советские солдаты! И с ними пришел мир на немецкую землю. И принесли его солдаты, отцы которых, как рассказывал Генриху дедушка Комарек, в 1917 году совершили революцию в далеком Петрограде. Дедушка Комарек был тогда в плену в России, и революция принесла освобождение и ему.

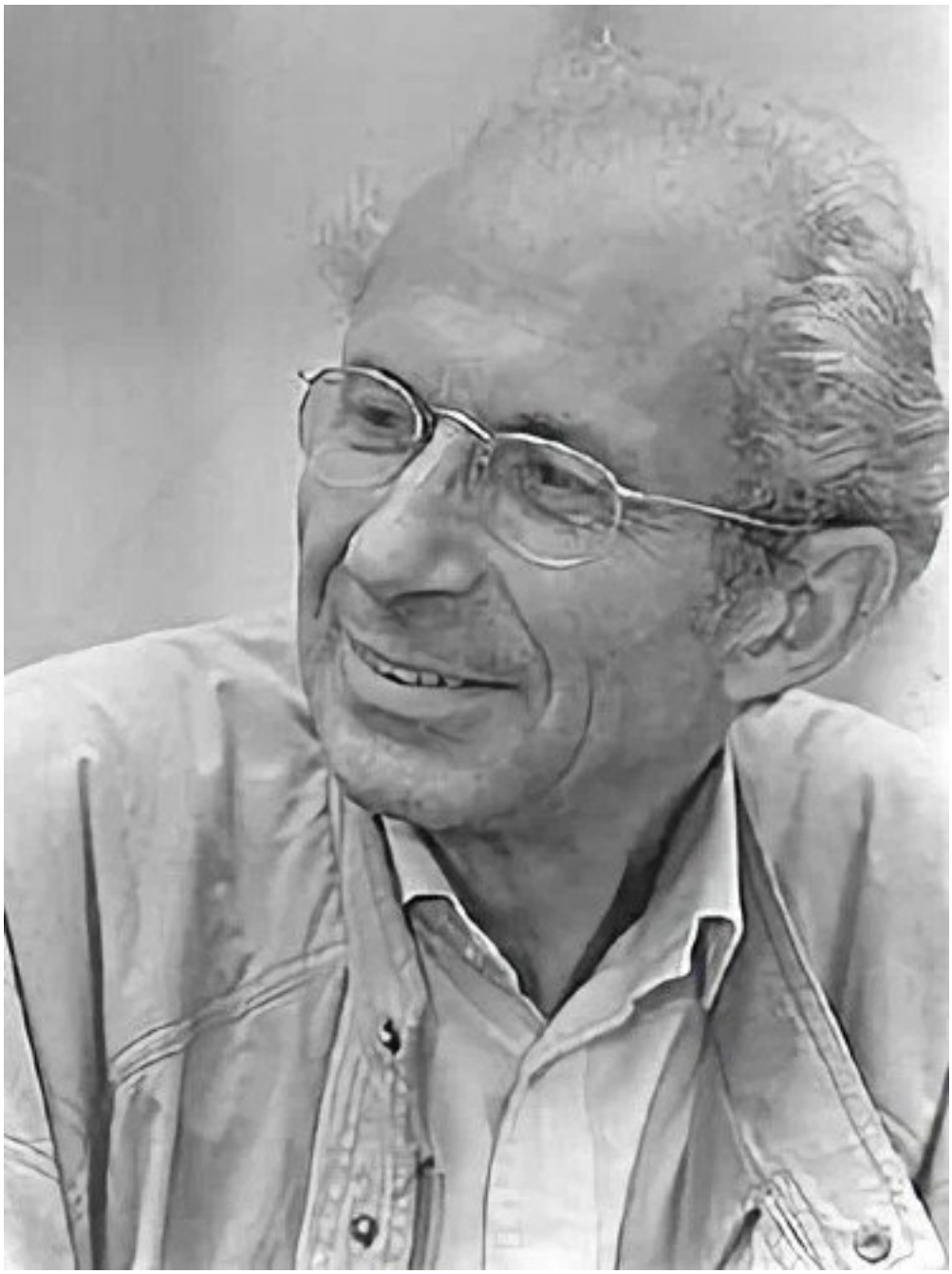
Для Генриха начинается совсем новая, такая сложная и интересная жизнь. Он живет в советской комендатуре вместе с веселым солдатом Мишкой, строгим сержантом Николаем, мечтательным Леонидом. Знакомится он и с майором Новиковым, участником гражданской войны в Испании. И скоро под влиянием пережитого и увиденного начинает понимать, где были ложь и обман. Но вот где правда, ему еще предстоит постигнуть…

Вот об этом, о пути постижения правды жизни в сложнейших условиях острой борьбы старого и нового на немецкой земле, и рассказывает эта увлекательная книга.

И путь этот совсем не прост. На каждом шагу юного Генриха подстерегает опасность. То она выступает в лице мальчишки по прозвищу Рокфеллер, такого славного и доброго, однако ищущего счастья на черном рынке, где он продает окурки или шелковые чулки… То в лице Маргаринового босса – он чего хочешь может достать, в том числе и такие нужные крючки и лески. А то это и сам дедушка Комарек: он же решил совсем один основать большое рыболовецкое дело и даже озеро купить, чтобы потом промышлять копченым угрем и другими дарами этого озера. Распознать и увидеть все эти опасности помогают Генриху прежде всего советские солдаты и офицеры и Испанец – кузнец Альберт, посвятивший себя борьбе за мирную счастливую жизнь немецкого народа. Много еще и других людей встречает на своем пути к правде юный Генрих. Это и фрау Кирш со своей неиссякаемой добротой и любовью ко всему подлинно честному и хорошему. Это и его верный друг талантливый художник Отвин. И совсем, казалось бы, неприметный «человек в латаном свитере», которого Генрих сперва даже принимает за тайного сыщика – так пристально он посмотрел на него, – а человек этот и рассказал нам обо всех этих событиях и их героях в книге с загадочным названием «Пуговица, или Серебряные часы с ключиком». Книгу эту на его родине называют «поэмой о человечности», мы же назовем ее и «поэмой о дружбе между народами Советского Союза и Германской Демократи-

ческой Республики». И, быть может, эти слова и есть тот ключик к таинственным часам, которые дедушка Комарек, уходя навсегда, передал Генриху Хаберману.

Об авторе

Альфред Вельм (1927–2001) – немецкий писатель, ключевая фигура литературы ГДР, известный своими произведениями для детей и взрослых. Лауреат **премии имени Генриха Манна** и **Национальной премии ГДР**, его творчество сочетало социально-реалистические мотивы с элементами фантазии и детектива.

Родился в семье рыбака. В 1941 году поступил в педагогический институт в Мелзаке, но в 1945-м был призван в вермахт, не прошедший службу из-за ранения2. После войны посвятил себя литературе, став одним из ведущих авторов ГДР.

Основные произведения:

– «**Дети из Пливерсдорфа**» (1959) – повесть о взрослении, где Вельм исследует темы дружбы и социальной ответственности.

– «**Кауле**» (1962) – история о мальчике, чьи приключения отражают связь поколений.

– «**Пуговица, или серебряные часы с ключиком**» – детективная повесть, где обыденные предметы становятся ключами к тайнам прошлого.

– «**Пауза для Ванцки**» (1968) – роман, отмеченный критиками за актуальность тем.

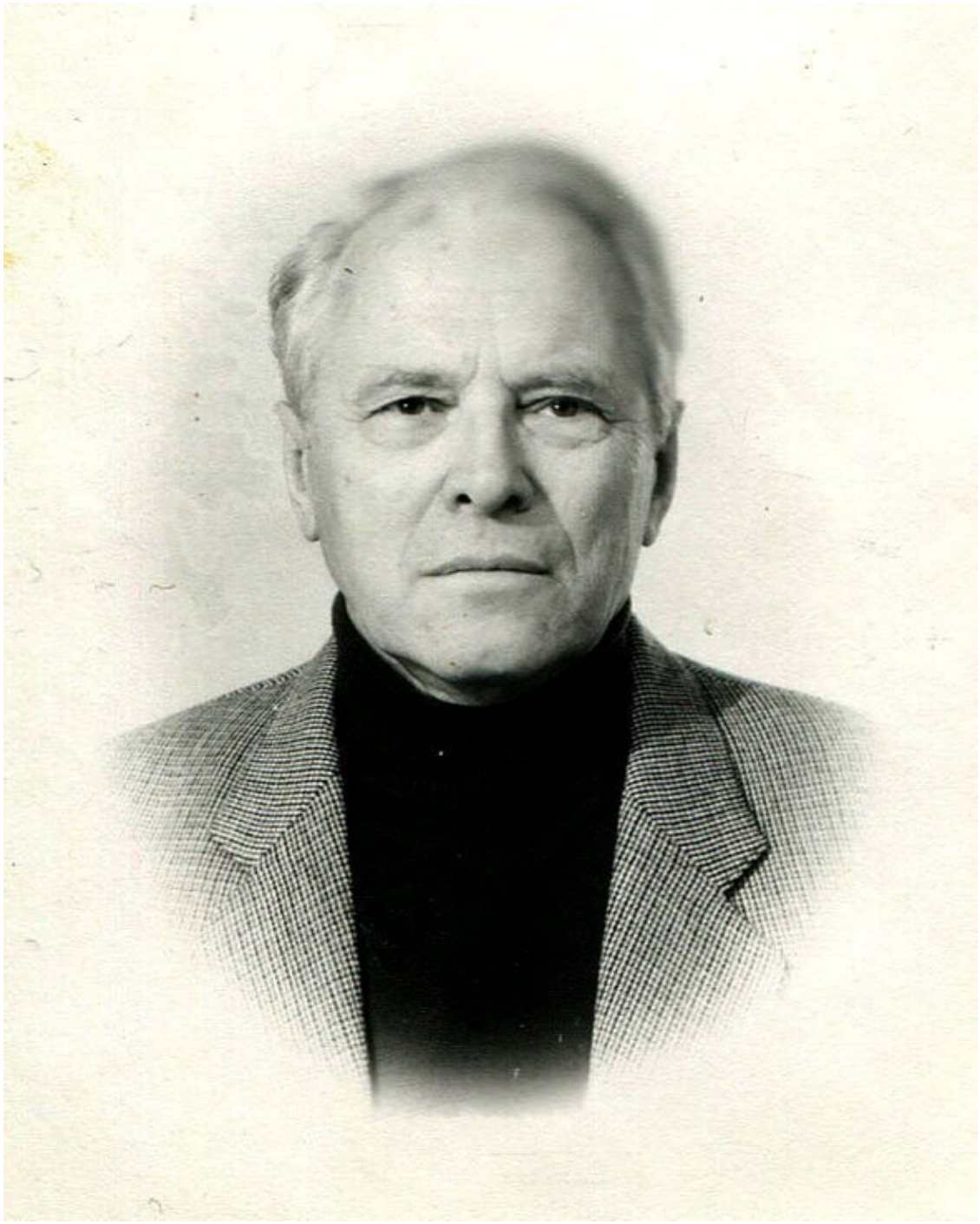
Вельм мастерски сочетал реализм с элементами фантазии, делая акцент на дружбе, социальной справедливости и исторической памяти. Его герои часто сталкиваются с проблемами, характерными для общества ГДР, но автор избегал дидактики, предпочитая тонкий психологизм.

Писатель получил Национальную премию ГДР – высшую государственную награду страны – за вклад в литературу. **Премия имени Генриха Манна**, вручаемая за социально значимые произведения, стала ещё одним свидетельством его авторитета.

Вельм работал в период, когда литература ГДР стремилась отразить идеалы социализма, но его книги избегали шаблонов. Например, в «**Паузе для Ванцки**» он исследовал конфликты между индивидуумом и обществом, что вызвало дискуссии среди критиков.

Несмотря на ограниченное количество переводов на русский язык, Вельм остаётся значимой фигурой в истории литературы ГДР. Его произведения, такие как «Пуговица…», продолжают читаться благодаря сочетанию приключений и вечных тем.

Всеволод Михайлович Розанов

Всеволод Михайлович Розанов (1915–1985) родился в семье писателя и педагога Михаила Григорьевича Розанова (псевдоним Николай Огнев). Учился в Литинституте (1937–1941). Во время войны был переводчиком и инструктором-литератором Политуправления Карельского фронта, где подружился с Борисом Заходером, оба были награждены медалью "За боевые заслуги" за организованное перемещение детей в бомбоубежища. В 1945–1949 главный редактор Берлинского радио. "Штатный" советский переводчик произведений Германа Гессе, Томаса Манна, Бертольда Брехта, Франца Верфеля и др. Один из первых переводчиков, взявшихся за "Сагу о Нибелунгах" (рукопись утеряна после смерти).

Больше всего любил переводить детские книги, выход которых праздновался вместе с Борисом Заходером прогулками по Птичьему рынку и выездами на рыбалку. Переводы Розанова хороши тем, что их интересно читать как глазами, так и вслух и детям, и взрослым: "… сценарий для спектакля писать не нужно", как говорила его первая супруга автор и исполнитель коротких рассказов Елизавета Ауэрбах.

Всеволод Михайлович Розанов оставил после себя огромное наследие в виде многочисленных переводов и учеников, которые продолжают его дело. Его имя навсегда останется в истории российской литературы как одного из лучших переводчиков своего времени.

Поделитесь своими впечатлениями о книге

Благодарим вас за покупку и прочтение «Пуговица, или Серебряные часы с ключиком». Мы очень признательны и надеемся, что вы нашли в ней что-то ценное. Пожалуйста, поделитесь ею с друзьями или семьёй и оставьте отзыв в интернете. Мы всегда будем рады вашим отзывам и поддержке и сможем продолжать заниматься любимым делом.

Оставить отзыв довольно просто, это не займет много времени.

Отзывы читателей

Анна Хайн

Книга "Школьное привидение" – это удивительное сочетание юмора и приключений! История о школьном призраке захватила меня с первых страниц. Персонажи яркие и запоминающиеся, а сюжет держит в напряжении до самого конца. Рекомендую всем любителям необычных историй!

Максим

Читал эту книгу с большим интересом. Автор мастерски передает атмосферу школьной жизни и добавляет элементы мистики. Призрак, который помогает ученикам, – отличная идея! Книга поднимает важные темы дружбы и смелости. Определенно стоит прочитать!

Светлана18

Эта книга стала для меня настоящим открытием! 'Das Schulgespenst' полна неожиданных поворотов и забавных моментов. Я смеялась и переживала за героев. Отличное чтение для детей и взрослых, которые не боятся немного пофантазировать!

Игорёк

В "Школьном привидении" нашел много интересного для себя. Сюжет динамичный, а призрак – очень харизматичный персонаж. Книга затрагивает важные вопросы о страхах и дружбе, что делает ее особенно ценной для молодежи. Обязательно рекомендую!

Алекпер

Книга оставила приятное впечатление. Легкий стиль написания и увлекательный сюжет делают чтение легким и увлекательным. Я была тронутой тем, как призрак помогает детям справляться с трудностями. Прекрасное чтение для всей семьи!

Почему стоит прочесть?

Загадки и тайны: часы с ключиком, пуговица и другие предметы, которые становятся частью сюжета, держат читателя в напряжении.

Уроки жизни: история показывает, как важно сохранять связь с прошлым и ценить дружбу.

Фантазия и реальность: Вельм мастерски балансирует между обыденным и магическим, создавая уникальную атмосферу.

Книга идеально подходит для семейного чтения, где родители и дети смогут обсудить сюжет, персонажей и моральные уроки. Её можно рекомендовать как для любителей детективов, так и для тех, кто ценит истории о дружбе и самооткрытии.

Часть первая

Глава первая

1

Нет – подумал старый Комарек, – не уйду я из Дубровки!»

Он стоял перед своей лачугой, слушал и все твердил: «Нет, не уйду я из Дубровки!» Порой громоподобный грохот нарастал, и лес, подступавший со всех сторон, содрогался.

«В Зельбонгенской пустоши это, – решил старик, – южнее Зельбонгена они уже».

Зашел в лачугу. Подбросил дров в печурку, поджег.

Давно уже сжившийся со своим одиночеством, чудаковатый этот старик сейчас думал: «Хоть бы у кого совета пойти спросить!» Были, конечно, люди, с которыми он легко сходился, здесь на Мазурах, в окрестных деревнях. Но ведь бывало, что проходили годы, а он и не заглядывал к ним, однако потом снова навещал.

Старик не сидит сложа руки. Нет. Скорей, суетится даже. Ходит взад-вперед от печки к двери и обратно. Снял с гвоздя несколько обручей для верши, проверил и снова повесил.

Подошел к двери. Стоит. Слушает. Отсюда, с порога, ему видны крыши пяти домов. А дальше деревня скрывается за холмом. Чуть правее снова видны палисадники. Здесь, рядом с лачугой, стоят две могучие сосны. Любит их старик.

Вот он шагает вниз, к деревне. Словно бы устала она, эта деревня. Ни души кругом. Уже два дня. Он идет по улице. Оборачивается. Никого. Один он. Кажется, что осиротевшие дома похожи на людей. «Удивительно! – думает старик. – И на кой им было уходить из Дубровки?»

Нет у старика здесь ничего, кроме лачуги. Но в ней висят рыбачьи сети, белые рыбачьи сети, еще ни разу не ставленные. Долгие ночи напролет он сам вязал их, потому со временем и набралось их столько. «Кончится война, – думал он, – большое рыболовецкое дело начну. На Илаве».

Наступает полдень. Старик ходит по лачуге и собирает кое-какие вещички, укладывает в дорожный мешок.

2

Когда-то давно он сшил себе телогрейку из кошачьих шкурок – спасался от ревматизма. Но он никогда раньше ничего подобного не мастерил, и получилась она велика – ни под какую одежду не надевалась. Вспомнив о телогрейке, старик вывернул ее мехом наружу и напялил поверх темно-зеленой куртки.

Подул ветерок. Закружились в воздухе снежинки.

Старик вышел из лачуги. Прислушался. Сперва склонив голову налево – к востоку, потом направо – к западу. В близком лесу что-то грохнуло. Еще. И еще. Подряд пять взрывов. И еще пять. Лес приглушает грохот взрывов, думает старик. И грохот этот какой-то безжизненный. Человек не способен вызвать его.

Комарек запер лачугу, положил ключ на балку. Перекинул палку с мешком через плечо и зашагал в лес. Направление он взял на Пайчендорф.

3

Всякая погода по душе старику. Нипочем ему сейчас и снег, липнущий к лицу, и то, что он совсем один шагает по полям.

Время от времени на его пути попадаются большие дороги. Тогда он стоит и долго смотрит на нескончаемый поток повозок и машин. Мелькают лица совсем чужих людей. «В бегство подались», – думает он и не мог бы сейчас сказать, с ними он или нет. Быть может, он только свидетель? Свидетель того, что ныне творится на белом свете? А для него самого все это не имеет никакого значения?

Дорогам он предпочитает прямую межу. Или шагает вдоль опушки. Лес-то он любит. По льду переходит озеро.

Спустился вечер. Старик устраивается на ночь в одинокой риге. Складывает снопы, прячет под них ноги. Справа и слева тоже кладет по снопу. Тепло-то ему будет! Потом развязал еще два снопа и укрылся соломой.

День за днем он шагает все дальше и дальше.

На третьи сутки к нему примыкают четыре женщины. Каждая ведет рядом с собой по тяжело нагруженному велосипеду. Одна очень толстая. У нее ручная тележка. В тряпье пищит ребенок. Прошел день – еще две бабы увязались за ним. Потом еще пятеро.

Не нравится старику, что за ним тянется уже целый обоз. Но он молчит.

Порой поднимается ветер. Они идут, наклонившись вперед. Снег залепляет глаза, липнет на стволах деревьев. Обернешься – все бело, кругом нет ничего.

Косуля стоит как вкопанная на опушке. Стая ворон, гонимая ветром, качается над головой. Неожиданно тучи расступаются; не проходит и двух часов, как над полями уже сияет голубое небо.

Так проходят дни.

Иногда старик разговаривает сам с собой. В помыслах своих он уже снова в прокопченной лачуге. Считает сети. Никогда в жизни у него не было столько сетей! Но для большого донного невода надо бы еще семнадцать саженей. Теперь он только и думает что о неводе; этой зимой он ведь хотел непременно его закончить.

Женщины, приставшие к нему, считают его чудаком, но не уходят. В беде своей они чувствуют: этому старику ведомо многое, что им сейчас так необходимо. А он идет и идет, вдруг остановится, ногой отгребет снег в сторонку – вот уже и костер пылает. И дрова-то совсем сырые.

4

В это же самое время в небольшом городке очутился совсем один мальчишка лет двенадцати.

Он сидел на фанерном чемоданчике, подперев ладонями голову, и смотрел на фуры и телеги, бесконечной вереницей тянувшиеся мимо него. Перед каждым подъемом крестьяне привставали на козлах и громко погоняли лошадей.

Как-то неожиданно он среди повозок и фур увидел карету. Увидел еще издали и подумал: «Это барон фон Ошкенат! И лошади светло-серой масти, как у него. Ах, если бы это был он!.. Если бы…» Но в карете оказался кто-то чужой. Да и лошади были не те, на каких выезжал барон фон Ошкенат. В карете сидели две немощные старушки, укутанные в черные овчинные полсти. На козлах – совсем незнакомый кучер. «А ведь я готов был пари держать, что это барон фон Ошкенат!» – подумал мальчишка.

Так он и просидел на одном месте до самого вечера. Потом поднялся, взял чемодан, подождал, когда можно будет перебежать дорогу, и перебежал.

Вечером по городку прошел слух. Появился он вместе с очередным обозом и поначалу вызвал немалый переполох. Теперь все уже успокоилось, однако люди были встревожены и раздражены.

Мальчишка, снова устроившись на своем чемоданчике, сидел и смотрел, как двое стариков рубили стул. Сперва спинку, потом ножки. Старики были совсем древние, лет по девяносто.

– Эй вы, огонь тут не разводите!

Но старики и слышать ничего не хотят – рубят себе и рубят.

Проходят солдаты:

– Улицу не загромождать! Дорогу освободить!

Но старики как ни в чем не бывало продолжают свое. Вот они поставили над огнем железную кровать с сеткой, и сразу же вокруг собрался народ. Кто со сковородкой, кто с кастрюлей. Мальчишка тоже поставил свою кружку на сетку. Пододвинул поближе к огню чемодан.

Он сидит и думает о том, что вот уже девять дней, как он не видит ни одного знакомого человека. Грустно и одиноко ему. Да и нет у него никого, кого ему хотелось бы сейчас увидеть. И городок этот совсем чужой. Но все равно уходить отсюда не хочется. Некоторое время мальчишка подумывал, не пойти ли ему со стариками. Вроде бы не злые они, да и нет с ними никого. Но потом решил, что уж очень они старые. Бог ты мой, до чего же они старые!

В толпе мальчишка приметил женщину, напомнившую ему кое-кого. На ней такой же платок и повязан так же. «А ты просто подойдешь и скажешь: пойду, мол, теперь с вами!» – решил он. Но тут же передумал: чересчур уж говорлива эта женщина и громко так разговаривает с крестьянами!..

Уже поздно, но городок как бы еще раз просыпается: подходит запоздавшая группа беженцев.

С высоких фур им кричат:

– Стойте, дальше не проедете!

В новой колонне одни женщины и дети. Ручные тележки, обвешанные узлами велосипеды. Во главе шагает старик. Высокий, худой. Спина сгорблена. На нем кошачья телогрейка, надетая поверх темно-зеленой куртки.

Закатное солнце окрасило все вокруг в желтый цвет.

Беженцы, уже устроившиеся на ночь, смотрят на старика. Кошачьи шкурки его телогрейки почти все черно-белые, но попадаются и тигровые и рыжие. Старик опускает палку на землю – лошади подаются назад.

– Эй ты, старый! – кричит кто-то у костра. – Говорят, русские в Циннелинкене?

– Раз говорят, стало быть, они там и есть.

– А вы что ж, сами тоже из Циннелинкена?

В ответ старик только качает головой.

Снова толпой овладевает тревога. И снова все взоры обращены на старика. Кто-то кричит:

– Как это он смеет утверждать, будто русские в Циннелинкене? Ни в жизнь им не дойти до Циннелинкена!

– Откуда ты взял, что они там?

Сначала старик не отвечает, но вдруг говорит:

– Солдат сказал.

– А сам-то он что ж, из Циннелинкена пришел?

Поднимается невообразимый шум. Никто никого не слушает. Разобрать ничего нельзя.

Старик пытается расчистить путь своим людям. Кто-то высказывает предположение, что, возможно, только русские танки через Циннелинкен прошли. Но старик, не обращая ни на кого внимания, продвигается все дальше и дальше. Некоторое время еще виднеется кошачья телогрейка.

– Эй вы, гасите, огонь!

– Господи помилуй! – причитает старушка. – Неужто и правда они уже в Циннелинкене?

Мальчишка снял с огня кружку. Долго еще смотрит, как мужики затаптывают угли. Потом выпил горячей воды.

Наступила уже глубокая ночь, когда, взяв чемодан, он снова тронулся в путь. Вот он шагает через городок, порой останавливается, ставит чемодан на землю, расспрашивает крестьян, хлопочущих у своих упряжек.

– Старик, говоришь? А-а-а, это ты про того, что в кошачьей телогрейке?

Не пройдя и двадцати шагов, мальчишка снова останавливается.

– Старик, говоришь? Прошли они тут.

Мальчишка благодарит, добавляет: «Спокойной ночи!»

– Чего-чего? Старик? Нет, не примечал.

– Да в телогрейке. Пестрой такой.

– Ты глухой, что ли? Не видел, говорю.

Мальчишка возвращается и снова расспрашивает. Но ему так никто и не может объяснить, куда направился небольшой обоз во главе со стариком в кошачьей телогрейке.

Глава вторая

5

На следующее утро, когда беженцы покидали городок, старый Комарек увидел мальчишку, стоявшего на обочине. Много народу в ту пору кочевало по дорогам, но почему-то на мальчишку он сразу обратил внимание. «Могу и ошибиться, – подумал Комарек, – но похоже, что он поджидает меня. Чего-то волнуется, а сейчас вроде бы обрадовался! Сапоги на нем солдатские. Рядом – тележка с колесиками от детской коляски, на ней – фанерный чемодан…»

Не сказав ни слова, мальчонка присоединился к небольшому обозу.

Даже не оборачиваясь, Комарек почувствовал, что мальчишка шагает за ним. Он подумал: «Странно, но уверен, что никогда раньше не видел его». Но тут же сказал сам себе: «Все мы так вот и сбились в кучу: то один подойдет, то другой. Никого я не просил идти за мной. А теперь вот и мальчонка пристал. Не великое это дело!» Но все же он ощущал некоторое раздражение оттого, что мальчишка теперь шагал за ним.

Холодный февральский день. Некоторое время они в общем потоке беженцев спускаются по шоссе, но вот оно поворачивает вправо, а старик, перешагнув через канаву, взбирается по откосу.

Недовольный, он ждет, покуда остальные последуют его примеру, и вновь группа трогается на запад, но теперь по узкой меже.

С первой минуты мальчонка полюбил дедушку Комарека. Старался шагать пошире, только бы попасть след в след. Он и курточку расстегнул и шапку снял.

Сзади ему хорошо видны и швы и потемневшая дратва, которой сшиты кошачьи шкурки, и палка, на которой висит дорожный мешок, совсем почерневшая, будто из черного дерева.

Время от времени сзади раздается крик: «Стойте, стойте, Комарек!» Тогда они делают привал, поджидают фрау Пувалевски, то и дело отстающую. Мальчик сразу замечает, что дед рассматривает его, и тут же прикидывается, будто тоже очень недоволен фрау Пувалевски, и, как все, начинает ругать ее.

Очень мальчишке нравится, как попискивают колесики тележки. Сразу же за ним идет фрау Сагорайт, потом фрау Кирш. В самом конце обоза плетется толстуха Пувалевски с детьми.

Нет, этот дед! Этот старый Комарек! Должно быть, все на свете он знает, все пути-дороги, все умеет! Наткнутся они на проволочную изгородь, огораживающую выгон, – колесики, будто испуганные, умолкнут, а он уж, расстегнув телогрейку, достает из бездонного кармана куртки громадные ножницы и режет проволоку. Не пройдет и двух минут – и путь свободен.

– Как тебя зовут-то? – спрашивает фрау Сагорайт.

– Генрих, – отвечает мальчик. – Генрих Хаберман.

Около полудня они добрались до большой деревни, раскинувшейся у подножия холма. Перед домами стояли большие фуры, и люди впопыхах вытаскивали мебель из домов.

– Где они?

– Где, скажите ради бога!

– Русские танки где?

Скоро выяснилось, что жители с минуты на минуту ждали появления русских танков.

– Тихо! – крикнул Комарек.

Все прислушались.

Членами маленького обоза овладела нерешительность. Они стояли и смотрели, как люди вытаскивают мебель из домов. Потом вновь тронулись в путь. Слышно было, как кто-то ругает

фрау Пувалевски. Опершись о свою тележку, она кричала, что шагу не в силах больше сделать. А фрау Сагорайт ей в ответ:

– Мужества вам не хватает. Раскисли совсем!

Никто не слышал самолета, вынырнувшего из-за холмов. Он летел метрах в двадцати над землей – и прямо на них.

Все будто окаменели. Старый Комарек сделал несколько шагов навстречу самолету, а Генрих крикнул:

– Воздух! Ложись!

Люди бестолково сновали по заснеженной пашне. Самолет быстро приближался.

– Ложись! – все кричал мальчишка.

Крик его походил на крик вспугнутой птицы. В конце концов люди все же бросились в снег, и самолет с оглушительным треском пролетел над ними.

Генрих почувствовал, как дрожит земля, и вдруг страшно испугался: а что, если бомба упадет прямо на него? Все было только что так хорошо!..

Прижимаясь к холодному снегу, он чуть повернул голову и посмотрел вслед самолету. Разглядел он и тонкое шасси и даже заметил, как вздрагивали крылья…

– Дедушка Комарек! – закричал он вдруг. – Дедушка Комарек! – И, приподнявшись, показал на черный крест на крыле самолета. – Дедушка Комарек, это «Физелер-Шторх»!

Люди, боязливо приподняв голову, смотрели вслед улетавшему над сосняком самолету. Одновременно все увидели фрау Пувалевски. Она стояла, скрестив руки на груди, похожая на каменное изваяние, и громко смеялась.

– Дедушка Комарек, это был самолет «Люфтваффе», – сказал мальчик.

Старик, ничего не говоря, смахивал снег.

Все злились на фрау Пувалевски: почему это она не бросилась в снег, как все?!

– Он летел прямо с передовой, – сказала фрау Сагорайт.

– Прямо с фронта летел, – заметил мальчик.

Все заговорили разом, никто никого не слушал, и всем хотелось, чтобы только что пролетевший над ними самолет был какой-то необыкновенный.

– Вполне возможно, – говорила фрау Сагорайт, – что этот самолет германских военно-воздушных сил только что участвовал в воздушном бою с неприятелем.

– Там сейчас наверняка воздушный бой был, – добавил мальчик, хотя он и знал: над ними пролетел самолет-разведчик «Физелер-Шторх», самый тихоходный самолет в мире.

– И вполне возможно, – продолжала фрау Сагорайт, – что этот германский самолет только что сбил вражеский самолет в воздушном бою.

Фрау Пувалевски все так же стояла, скрестив руки на груди, и улыбалась.

Генрих сразу загорелся:

– Держу пари, он только что сбил вражеский самолет.

Старый Комарек стоял и смотрел на них, как будто он в мыслях был далеко-далеко. При этом он не спускал глаз с мальчишки и думал: «Хаберман? Фамилия тебе знакома. Где-то ты ее слышал, но, может быть, и ошибаешься. Сейчас кого хочешь встретить можно – весь народ в движение пришел».

Он решил ни о чем не расспрашивать мальчонку. «Нет тебе никакого дела до него! – говорил он себе. – Покуда ты о нем ничего не знаешь, он тебе чужой».

А мальчишка горячо что-то объяснял. Он был такой же грязный, как все, однако лицо его выделялось тонкостью черт, и это как-то но вязалось с его решительными жестами.

Фрау Сагорайт кричала:

– Немедленно возьмите свои слова обратно, фрау Пувалевски!

Однако толстая женщина и не намеревалась брать ничего обратно. Спор разгорался.

Возможно, что никто и слова бы не сказал и все впряглись бы в свои тележки и потащились дальше, если бы не эта фрау Пувалевски!

И все это время человек, проживший всю жизнь в одиночестве и ни минуты не испытавший скуки, думал: «Семь березок растут там. Стоят и ждут весны». Или: «Ветер переменился на норд-ост». Вообще о ветре он думал много.

Много думал он и об Илавском озере. Да и об озере Хайлигелиндер. За свою долгую жизнь он, пожалуй, побывал на всех Мазурских озерах. Но любил он Илаву. Засматривался там на цаплю, как она, тяжело взмахивая крыльями, летела над водой. Любил он и можжевеловую духоту соснового леса. Двадцать шесть лет старик прожил в лесах, бродил по лесным тропам, рыбачил то на одном, то на другом озере. Однако ближе к зиме всякий раз возвращался в свою лачугу в Дубровке, там он чувствовал себя дома… «Стоят там семь березок, – думал он, – стоят и ждут весеннего ветерка».

Что-то было нереальное в той нелепой жизни, какою он жил сейчас.

Снова он подумал о приставшем к ним мальчике. Да, фамилия «Хаберман» ему знакома, где-то он слышал ее. Всю дорогу старика мучило, что он никак не мог вспомнить, где и когда.

Порой они останавливаются и слушают, как за лесом рычит война, как она переваливается с боку на бок или вдруг вздыбится! По вечерам они не могут оторвать глаза от зарева над горизонтом. Война шагает следом за ними. Сегодня она там, где они проходили вчера…

Мальчик говорит:

– Мы правда победим, фрау Сагорайт? Правда мы победим?

Фрау Сагорайт отвечает, что победим непременно.

6

Привал. Старик достает из мешка брусок сала и отрезает себе кусок. Наколов его на кончик ножа, сует в рот. Все это уже хорошо знакомо Генриху, и, когда они снова в пути, он следит, как старый Комарек обстоятельно жует сало.

Ворон сидит на ольхе. Сидит и смотрит сверху на бредущих мимо людей.

Каждый вечер Комарек, нацепив на нос очки, вынимает из кармана куртки кожаный мешочек и медленно развязывает его. Большими пальцами он разбирает тряпочку, в которую что-то завернуто. В конце концов появляется что-то очень похожее на карманные часы… Но в то же время они гораздо меньше обычных карманных часов и из чистого серебра, как издали определяет Генрих. На крышке – затейливый узор: тонюсенькие веточки и бутончики роз. И еще – в эту же тряпочку, оказывается, завернут ключик. С необычайной нежностью старый Комарек рассматривает часы, берет ключик и осторожно заводит их. Потом так же обстоятельно снова заворачивает в тряпицу и прячет в кожаный мешочек. Только после этого он снимает очки.

Сидя рядом, Генрих внимательно следит за всеми движениями деда, а так как эти движения всегда одни и те же, они кажутся ему исполненными особого достоинства и спокойствия.

Мальчик встает и подходит к своему чемодану. Нагнувшись, он вынимает дамскую сумочку. Погремев ее содержимым, он снова прячет сумочку в фанерный чемодан, а затем опять садится рядом с дедушкой.

«И что это он ищет без конца в чемодане? – спрашивает себя Комарек. – И как эта дамская сумочка попала к мальчишке?»

Однажды Генрих, намереваясь принести Комареку горячей воды, взял его кружку. Старик остановил его, сказав: «Оставь!» Тогда мальчик сел и поставил кружку на ступеньку крыльца…

Из дома вышла хозяйка. Послушав, как неподалеку грохочет фронт, она проговорила:

– Боже милостивый! – и, спустившись на ступеньку, спросила старика: – Скажите, дедушка, они всех наших мужчин перестреляют?

Старик ничего не ответил.

– Но люди ж они!

Комарек снова промолчал.

– И душа у них должна быть.

– Кто знает, как наши-то с ними поступали! – вдруг сказал старик.

– Всемогущий боже! – снова взмолилась хозяйка, поднимаясь на крылечко.

На ночь мальчонка устроился рядом со стариком в соломе.

– Спокойной ночи, дедушка Комарек! – сказал он, завернувшись в одеяло.

Старик что-то невнятно пробормотал в ответ.

– Спокойной ночи, малыш! – сказала тогда фрау Сагорайт.

7

На другое утро к ним присоединился еще один человек: молодой, на костылях, инвалид – на одной ноге. Он украдкой поглядывал на окна крестьянского дома и, должно быть, многое отдал бы, чтобы скорей тронуться в путь. Левой ноги у него не было до колена. От колена штанина была подвернута и прикреплена под полой пальто. Человек этот был совсем еще молодой, почти мальчишка. Волосы жиденькие, с медным отливом.

Он хотел было пристроиться сразу за Комареком, но этого уже Генрих не допустил. Он оттер чужого своей тележкой, и тот теперь ковылял за Генрихом, а за ним шла фрау Сагорайт.

С первых же минут у всех родилось молчаливое уважение ко вновь приставшему. Генрих бросился ему помогать, когда он утром, прыгая на одной ноге, старался поднять свой костыль. А фрау Сагорайт называла его «фольксгеноссе»[Нацистское обращение.]. Однажды хотела даже взять у него рюкзак и положить на свою тележку, но Рыжий, повернувшись на одной ноге, не позволил снять с себя поклажу.

Майский жук, лети ко мне!
Мой отец погиб на войне,
Померания вся сгорела дотла,
В Померании мать моя померла…

[Стихи для этой книги перевела И. Озерова.]

Как-то, когда они шли по берегу озера, Генрих вспомнил один давно прошедший январский день…

Они шли тогда по льду залива. Кругом ослепительно сверкал снег, и ветер дул прямо в лицо. Семь других колонн переходили залив по льду. Вдали тянулась коса. Но она была совсем низкая и плоская, и за ней было море.

Генрих уже несколько раз спрашивал мать, правда ли, что это и есть море, и мама всякий раз отвечала:

– Да, Генрих, это море и есть.

Но как же это получалось, что они видели море за косой?

– Это потому, что ветер, – отвечала мама. – Ветер дует в сторону берега и поднимает море.

Ну, уж этого не могло быть! Как это ветер может поднять море? Да оно затопило бы низкую косу.

– Но, может быть, это и лед в заливе, – сказала мама. – Может быть, лед в заливе поднялся.

Генрих никогда еще не видел моря, а сейчас оно было рядом, вон за тем лесом. Прямо чудо какое-то! Сине-зеленое, а ближе к горизонту – желтоватое. Да и вообще море оказалось гораздо светлее, чем он представлял себе.

– А мы дойдем до самого моря?

– Там увидим, Генрих.

– Мы сначала перейдем косу, да? А потом пойдем вдоль моря, да?

Они тащили за собой детские санки и говорили о море.

– Нет, Генрих, оно не плохое и не хорошее, – говорила мать. – Оно большое очень.

– И красивое, да?

– Правда, красивое, – согласилась мама.

На косе они и встретили барона фон Ошкената. Нежданно-негаданно они на следующий день вдруг увидели его.

До чего же холодно было на морском берегу! Около часа они шли по укатанному волнами песочку, и море шумело рядом. Было очень холодно и штормило, так что обратно они уже пошли за дюнами. Вечером им не позволили взять груженые саночки в дом. Хозяйка-рыбачка была очень строгая. А они ни за что на свете не хотели расставаться со своими саночками. Пришлось им всю ночь просидеть в дровяном сарае, а ветер свистел в щелях между досками. Утром вдруг грянул залп. Они выбежали во двор и узнали, что это стреляли пушки немецких военных кораблей. Рассказывали, что корабли эти далеко в море и пушки стреляют прямо через песчаную косу и через залив, туда, где теперь стоят русские…

В то утро они и увидели барона фон Ошкената.

– Господин фон Ошкенат!.. Господин фон Ошкенат!

Невероятно, но это действительно оказался барон фон Ошкенат. Он сидел в своей темно-коричневой охотничьей коляске. Три серые лошади тащили ее. На козлах восседал Рикардо в своей кучерской крылатке, а позади – барон, укрытый черной овечьей полстью…

– С добрым утром, господин фон Ошкенат!

Генрих бежал рядом с коляской и кричал:

– Это я, господин фон Ошкенат!

Но толстый барон ничего не слышал: он крепко спал. Генриху пришлось долго дергать черную овечью полсть. Он бежал рядом и все кричал, что это он, Генрих Хаберман с Гольдапзее…

Держа крепко в руках меховую шапку, Ошкенат тяжело дышал. Лицо его опухло, и руки были красные и опухшие. Генрих сразу понял, что им повезло…

– Тпррр! Тпрр! Это я, господин фон Ошкенат!

Наконец-то чуть дрогнули веки, улыбнулись зеленые глаза, но, должно быть, они ничего не видели.

– Господин Ошкенат! Господин Ошкенат!

Самое главное – чтобы зеленые глаза улыбались…

Будто откуда-то издалека, жизнь медленно возвращалась к Ошкенату. Повернув голову, он шапкой принялся протирать глаза.

– Рикардо, – произнес он, – если я не обманываюсь, перед нами сам престолонаследник.

Такой встречи даже Генрих не мог ожидать. Голос Ошкената гремел, гремели залпы морских орудий. Ошкенат так кричал, что люди стали останавливаться. Откинув полсть, он велел кучеру позвать маму.

За коляской стояли четыре фуры. Кучер спустился с козел и направился назад, туда, где была мать Генриха.

– Сын мой! – восклицал Ошкенат, а Генрих думал при этом: «Как хорошо, что от него так сильно пахнет вином!»

Тем временем кучер Рикардо отвязал бельевую корзину и фанерный чемодан от саночек и отнес к первой фуре.

Мать Генриха была очень сдержанна. И еще – Генрих это хорошо запомнил – вдруг она почему-то пошатнулась и схватилась за поручни. Подниматься в коляску ей было трудно.

– Генрих, – крикнула вдруг мама, – Генрих, мы же там санки оставили!

– Стойте!

– Стойте, Комарек!

Генрих помнил всё до мельчайших подробностей. Даже слышал сейчас горклый запах морской воды. И так приятно было мягкое покачивание коляски… Каждое возвращение к реальной действительности он ощущал как боль. Однако ему довольно скоро удавалось преодолевать это чувство.

– Дедушка Комарек! – крикнул он. – Дедушка Комарек!

8

Отсюда хорошо была видна опушка леса, однако фрау Пувалевски нигде не было.

– У озера она еще шла за нами?

– Да, у озера еще шла, – хором ответили сестры-близнецы.

На каждом привале сестры садились рядышком, о чем-то шептались, настороженно оглядывались и то и дело запускали руки в старую кожаную сумку. Никто не знал, что у них в этой сумке. По лицам нельзя было догадаться, о чем они перешептывались.

– Она нарочно отстала! – крикнули теперь сестры.

– Где? Когда?

– С час назад, – ответили сестры.

Инвалид стоял, прислонив рюкзак к дереву, и Генриху впервые бросилось в глаза, что, кроме одного сапога, ничего солдатского на нем не было. Одет он был в очень длинное зеленое женское пальто.

– Зайчата вы глупые! – крикнула фрау Кирш. – Что же вы нам сразу-то не сказали?

С самого утра грохот слышался слева. Все испытывали какое-то тревожное беспокойство. Рядом тянулся казавшийся им жутким лес: вот-вот война вырвется из зарослей…

Многие высказывались за то, чтобы не ждать фрау Пувалевски. Старушка, бегавшая взад-вперед около своей тележки, причитала:

– Всех нас перестреляют они… всех, всех!..

– А дети как же? Разве можно ее оставить с детьми? – кричала фрау Кирш.

– Господи, всех нас перестреляют!..

За лесом снова что-то прогрохотало. Порой слышалось, как в глубине его рвался одиночный снаряд, перекрывавший далекий грохот. Всем хотелось идти дальше.

– Нет, не пойдем, – сказал Комарек. Сказал очень спокойно. – Будем ждать.

Никто не возразил. Одни стояли, прислонив велосипеды к дереву, другие сидели на тележке.

– Фольксгеноссен! – провозгласила фрау Сагорайт и сошла на пашню, явно намереваясь произнести речь.

Старик думал: «А что было бы, останься ты в Дубровке? Старый ты, ничего они тебе не сделали бы!»

Он стоял и смотрел на мальчонку, как тот, скатав снежок, целился в сосну. Но промахнулся. И второй снежок пролетел мимо. Однако затем мальчишка три раза подряд поразил цель. Теперь сидит на чемодане и смотрит на фрау Сагорайт. «Нет, ничего бы они тебе не сделали», – решил Комарек.

– Кочуя ныне по дорогам войны… – вещала фрау Сагорайт.

Ветер раздувал полы ее пальто. Генрих, сидя на чемодане, усердно кивал почти каждому ее слову – он-то находил ее речь превосходной.

– И в будущем, – продолжала фрау Сагорайт, – когда внуки спросят нас, как мы в тяжелейший для Германии и в тоже время прекраснейший для нее час…

Все давно уже привыкли к тому, что фрау Сагорайт время от времени произносит речи, и теперь, отдыхая, разговаривали о своем, увязывали поклажу. Никто ее не слушал.

«Может, ты и ошибся, – думал Комарек, – что ушел из Дубровки?» Взгляд его остановился на инвалиде, стоявшем неподалеку, опершись на костыли. Комарик впервые обратил внимание на то, что длинное зеленое дамское пальто сильно топорщится сзади. Испугавшись, Комарек подумал: «Да нет, на такое он не пошел бы! На такой риск не посмел бы пойти!» Но уж очень пальто топорщилось. А этого ничем другим нельзя было объяснить. «Бог ты мой! – думал Комарек. – Бог ты мой!»

9

«Надо тебе присмотреться к этому рыжему парню», – решил Комарек. Нелегкий случай! День-другой – еще ничего. Но ведь долго он не выдержит. Придется города обходить. И большие дороги. Опасней всего на мостах…

И еще он думал: «И за мальчишкой тебе надо просматривать, главное – за мальчишкой. И надо ж было им обоим пристать! И мальчишка этот, и рыжий парень…»

– Наше время – время отважных сердец… ему нужны герои, – продолжала разглагольствовать фрау Сагорайт. Неожиданно обратившись к инвалиду, она спросила: – Сколько вам лет?

Инвалид кашлянул в кулак, будто он не знал, сколько ему лет.

– Шестнадцать, – сказал он в конце концов.

– Добровольцем?

Инвалид посмотрел на нее и кивнул.

– Шестнадцати лет он пошел на фронт. Шестнадцати лет! И такое тяжелое ранение! – говорила фрау Сагорайт. – Пусть все ныне на чужбине кочующие по дорогам войны, все, все, берут с него пример…

А старый Комарек думал: «Вот насчет шестнадцати лет ему не следовало говорить. Не подсчитал он».

Снова в глубине леса разорвался снаряд. И еще один. Потом надолго все стихло.

Испуганные, они все теперь заговорили одновременно, обращаясь к старому Комареку.

– Они окружают нас! Окружают, понимаете? – говорил Генрих.

– Будем ждать еще десять минут, – сказал старый Комарек.

Было тихо, будто сама война затаила дыхание. Взоры всех обыскивали опушку леса. Хоть бы скорей эта Пувалевски подошла!

«Как ему, должно быть, больно было, когда ногу отстрелили! – думал Генрих, глядя на инвалида. – Ведь он же был в полном сознании». Генрих сам себе признался, что, если бы с ним такое случилось, он кричал бы как резаный. А как часто он принимал самое твердое решение, что обязательно будет героем! И сколько раз убеждался, что смелости ему очень даже не хватает. Ну, а может быть, этот рыжий потерял сознание еще до того, как стало так нестерпимо больно?

– Десять минут прошло, – заявила фрау Сагорайт.

Не слушая ее, Комарек сказал Генриху:

– Ты как, очень боишься?

– Я? Нет, дедушка Комарек, я ни чуточки не боюсь.

«И откуда тебе эта фамилия – Хаберман – так знакома?» – спрашивал себя старый Комарек.

– Правда не боюсь, дедушка Комарек.

– Тогда беги назад и посмотри, где она там застряла.

Впервые старый Комарек обращался к нему, и Генрих почувствовал, как у него горят щеки, – должно быть, от возбуждения и от сознания того, что он ни чуточки не боится.

– Бегу, дедушка Комарек. – Генрих бросил курточку на чемодан. – Не вернусь, пока не найду ее!

Генрих бежал вдоль опушки и чувствовал, что все следят за ним. Он пытался представить себе, что сейчас говорят о нем. И в то же время он был очень доволен собой – ведь он ни секунды не колебался, отвечая дедушке Комареку! Он все бежал и бежал, иногда поглядывая на стволы елей, черневшие рядом с соснами. «Фольксгеноссен, – скажет фрау Сагорайт, – перед вами подлинный герой. Враг уже захватил этот лес, а он один-одинешенек отважился вернуться по пройденной нами дороге войны!» Фрау Сагорайт спросит его: «Сколько тебе лет, фольксгеноссе?» Но он не сразу ответит, а откашляется и только тогда скажет: «Двенадцать, фрау Сагорайт. Двенадцать лет мне исполнилось».

Но почему так много этих черных елок в лесу?

Постепенно лес отступил вправо, и теперь Генриха уже никто не мог видеть.

Старый Комарек тем временем думал: «Может, и не надо ждать мальчонку? Ребенок он совсем, разве на него можно положиться? Да и пробьется он как-нибудь. – И тут же: – Как ты жесток к нему! Бесчеловечно так думать о мальчике! Но ведь жестоко и бесчеловечно подвергать рыжего парня такой опасности. Может быть, потому и не следует дожидаться мальчонку? Бог ты мой, и чего только эта война от тебя не требует!»

10

Генрих все бежал и бежал. Больше всего его мучило собственное воображение. Оно так и нашептывало ему: «Вон там русские солдаты. Вот они залегли в буреломе. Они давно уже следят за тобой!»

Раньше мальчику всегда казалось, что воображение – это его лучший друг, а сейчас оно совсем замучило его… Или вон тот березовый пень на опушке! Генрих готов был голову дать на отсечение, что час назад, когда они здесь проходили, его здесь не было. Значит, это и не пень вовсе, а ловкая маскировка. Там залег один из солдат.

Генрих отбежал подальше от леса, в поле, и только немного погодя снова вернулся на тропу к опушке.

До чего же он был зол на эту фрау Пувалевски! Он шел и придумывал всякие слова, какие он ей скажет.

Тропа свернула в чащу молодых елочек. Стоят в рядах, как всамделишные солдаты!

Над ельником возвышались две старые сосны. Ветер шумел в кронах.

Генрих подумал: «До чего ж это глупо идти по тропе!» И тут же юркнул в елочки. Надо было хитрить, надо было менять направление, надо было сбить со следа этих солдат! А в конце концов получилось, что Генрих сам сбился с пути и теперь уж испугался не на шутку.

– Фрау Пувалевски! – позвал он негромко.

Никто не отвечал.

Он снова стал петлять по ельнику.

Вдруг ему показалось, что он слышит чей-то голос. Он пригнулся и шагнул в сторону. Присел на корточки и застыл. Опять он что-то услышал, но что именно, он не мог бы сказать. Может быть, это ветер шумит в соснах или шишка упала?

«Ах, дедушка Комарек, дедушка Комарек!»

У Генриха заныли коленки. Но теперь уж он отчетливо слышал чей-то приглушенный голос. Выпрямиться он побоялся. А что, если лечь на землю и по-пластунски между елочками выбраться на опушку?

Нет, такого солдаты не потерпят. Лучше сейчас же добровольно сдаться в плен. Подойдут к тебе четыре солдата, поглядят, нет ли у тебя фаустпатрона, похлопают по карманам, вывернут и… Генрих собрал все свое мужество. Он расстегнул курточку, снял шапку и медленно поднял руки… «Дедушка Комарек! Дедушка Комарек!»

Генрих встал и сделал два шага вперед, обойдя елочку.

Он стоит и никак не может понять: вон она, фрау Пувалевски! Наклонилась к своей тележке и, должно быть, меняет пеленки Бальдуру. А рядом – трое других ее ребят, безучастно смотрят на нее.

– Это вы, фрау Пувалевски?

Генрих разводит в сторону ветки и выходит на тропу.

– Я уж подумал… Если бы вы знали, фрау Пувалевски… Мы вас уже целый час ждем… Сначала я вдоль леса бежал и, только когда до ельника добрался…

Он болтал без умолку, должно быть почувствовав большое облегчение.

У всех трех малышей мокрые носы. Они стоят закутанные в мокрое, промерзшее тряпье, а фрау Пувалевски поднимает голые ножки Бальдура и подкладывает пеленку. Ножки тонюсенькие, будто спички. Они серенькие и совсем безжизненные. Животик раздут. Генрих внезапно умолкает.

– Он у вас заболел, фрау Пувалевски?

– Пошел ты к чертям собачьим!

И тут же толстуха начинает реветь и все кричит, чтобы Генрих отправлялся к чертям собачьим. И, выкрикивая всякие мерзкие слова, она заворачивает Бальдура в промерзшие пеленки. Но чем громче она ругается, тем больше трогают Генриха ее слезы, ее забота о Бальдуре. И пусть она кричит, пусть ругается. Сквозь слезы фрау Пувалевски говорит, что у Бальдура понос. У него водянка. И ничего удивительного тут нет. Порой голос ее делается тише, потом она снова кричит, чтобы ее оставили в покое, хотя Генрих за это время не вымолвил ни слова.

– Да я, фрау Пувалевски…

А она уже сняла пальто и обмотала вокруг себя мокрые пеленки – на воздухе они никогда не высохнут.

Генрих стоит и смотрит. Наконец фрау Пувалевски впрягается в тележку, и малыши автоматически хватаются за боковину.

Генрих тоже толкает тележку, толкает изо всех сил.

– Багажа у вас слишком много, фрау Пувалевски.

– Прикажешь мальчонку выкинуть?

– Да нет, а вот багажа у вас много.

Но больше всего Генрих сейчас боится, как бы дедушка Комарек и все остальные не ушли без них.

Однако стоило им выйти из лесу, как они сразу увидели своих на том же месте. Им махали, что-то кричали, а когда они подошли поближе, то услышали, что им кричат, чтобы они шли скорей.

Вскоре маленький обоз снова тронулся в путь. Генрих, волоча за собой свою тележку, крикнул:

– Дедушка Комарек, а дедушка Комарек! Бальдур совсем больной.

Глава третья

11

Вечером Генрих увидел: инвалид плачет. Он сидел и смотрел, как Рыжий растирал под одеялом больную ногу, и вдруг заметил, что плечи его дергаются и что он плачет. Генрих тихо вышел из сарая и сел рядом с Комареком. Когда они остались одни, он сказал:

– Этот фольксгеноссе плачет.

– Что с ним?

– Плачет.

– Кроме тебя, видел еще кто-нибудь?

– Я один только видел, дедушка Комарек.

Был первый теплый вечер, и высоко в небе кричали гуси.

– Все равно он очень храбрый. Правда, дедушка Комарек? Не простая это рана, когда тебе ногу отстрелили.

Генрих умолк: ему хотелось нравиться Комареку и потому неудобно было болтать. Потом он все же сказал:

– Может, это у него нога отстреленная болит?

– Оставь его в покое! – сказал Комарек.

– По мне он ничего не заметит, дедушка Комарек.

– Не в том дело. Не хочу я, чтобы ты около него вертелся. Оставь его в покое. Всё!

Над крышами плыли вечерние облака, дул теплый, ласковый ветерок, и Генриху хотелось сидеть так допоздна. Но старый Комарек поднялся и пошел в сарай, где у них был приготовлен ночлег.

Комарек сразу заснул. Однако сна ему надо было мало, и уже часа в два пополуночи он проснулся. Раньше он в эту пору вставал, разводил огонь, чинил сети, а в летнее время отправлялся на лодке к переметам, поставленным накануне.

Сейчас он лежал в темноте с открытыми глазами и думал:

«Мальчишка этого «инвалида» сразу раскусит. Да и бабы тоже скоро догадаются. Но они-то его не выдадут, они на это не пойдут. Вот мальчонка в этом смысле опасен. – Это больше всего сейчас мучило старого Комарека. – Слишком ты много думаешь об этом мальчишке! Беспокойство одно от него. Даже когда примостится рядышком и по-стариковски так кривит рот…»

Рано утром старый Комарек подстроил так, чтобы остаться вдвоем с рыжим парнем. Жалко ему было «инвалида», но он сказал:

– Уходи! Останешься – плохо кончится. Не сегодня, так завтра.

Рыжий стоял, гладил себя по голове и с мольбой смотрел на Комарека.

– Что же мне делать-то? Куда ж мне идти?

– Это уж все равно, но знай: не хочу я, чтобы ты и дальше с нами шел, – сказал Комарек, чувствуя, как жалость все больше захватывает его. – Не хочу больше видеть тебя!

Рыжий тихо опустил голову.

Впрочем, когда маленький обоз тронулся, Рыжий подковылял на своих костылях поближе и пристроился сразу за Генрихом.

«Младой Зигфрид, не зная страха, из замка скачет прямо в бой…» – поет, шагая, Генрих, но поет тихо, чтобы Комарек не слышал.

Хорошо сейчас идти! Белые облака расползлись, и открылось огромное синее небо. Фрау Пувалевски натянула над тележкой веревку, на ней развеваются пеленки. Генрих совсем раз-

мечтался. Он видит себя уже «младым Зигфридом», в руках у него громадный Зигфридов меч… Вот он в башне танка, ведет грозную машину. А там, впереди, уже слышен грохот сражения. На пути его стоят деревья, он валит их – только вперед! Вот дом – он рушит дом. Только вперед! Он один в своем танке, но его машина стоит тринадцати других. Враг силен. Генрих видит – сражение уже проиграно. Но он прицеливается – огонь! И первым же снарядом поджигает вражеский танк. Снова он командует: «Огонь!» Горит второй танк… третий… «За мной!» – выкрикивает Генрих, обращаясь к немецким солдатам. И немецкие солдаты, вновь обретая мужество, оказывают врагу ожесточенное сопротивление. Двадцать три танка уже подбил Генрих, однако враг не сдается… У Генриха удивительная машина! У нее такая броня, что ни один снаряд не может ее пробить, и пушка – пушка всегда попадает в цель. Нет, такого натиска враг не в силах выдержать. Он дрогнул, его охватывает панический страх, танки его разворачиваются и… удирают! Но он, Генрих, преследует их по пятам, подбивает один за другим. Но вот осколком ранит и его. Одну руку он держит на перевязи и все равно стреляет еще и еще…

Всю вражескую армию Генрих обратил в бегство. Теперь он сидит на раскаленной броне и отдыхает после боя. Подходят его товарищи, подходят офицеры, приветствуют, поздравляют, но он только небрежно машет рукой… и все.

Сам фюрер вручает ему рыцарский крест. «Мой фюрер! Пожалуйста, пусть и дедушка Комарек, и Рыжий сфотографируются с нами». Фотокорреспонденты опустили свои камеры, терпеливо ждут, пока явятся Рыжий и дедушка Комарек…

Это первый весенний день. Генрих идет и напевает песню о подвигах младого Зигфрида.

– Что с вами, фрау Пувалевски?

В руках у них горячие картофелины, они едят обжигаясь, а толстая Пувалевски сидит не двигаясь и смотрит в одну точку.

– Что случилось, фрау Пувалевски?

Генрих встает и бежит к ее тележке. Заглядывает. На куче тряпья лежит Бальдур.

– Он умер, что ли?

Трое ребятишек, держа в черных ручонках картошку и дуя на нее, кивают.

– Давно он умер?

Ребятишки кивают головой, продолжая жевать.

– Дедушка Комарек, дедушка Комарек! Бальдур умер!

Комарек будто и не слышит.

Хороший это был привал. Из деревни почти все жители ушли, в подвалах полно картошки – бери сколько хочешь!

Прежде чем отправиться дальше, Комарек зашел в один из брошенных дворов и вернулся уже с лопатой.

И опять колеса поют свою песенку. На небе – ни облачка!

Дорога ведет через бревенчатый мост. На берегу ручья стоят две старые ивы.

– Стой! – приказывает Комарек.

Все останавливаются, стоят и молчат, покуда он выкапывает квадратик в земле.

Бальдура положили в картонку. Комарек стал на колени, чтобы удобнее было спускать картонку в яму.

Фрау Сагорайт выступила вперед, чтобы сказать речь.

– Фольксгеноссен!..

– Заткнись! – взорвалась фрау Пувалевски.

Фрау Сагорайт замолчала и спряталась за спины остальных.

Старый Комарек закопал ямку. Фрау Пувалевски так и осталась стоять под ивой, не проронив ни единой слезы. Сестры-двойняшки сидели рядышком и перешептывались, изредка

опуская руки в старую кожаную сумку. Слышно было, как стучали комья земли, как шептались сестры и как высоко в небе пел жаворонок.

– Что ж, пошли… – сказал старый Комарек.

12

Порой Генрих засматривается на косяки диких гусей. Кажется, что они кричат ему что-то сверху. Они ведь тоже в пути! Но они летят на северо-восток и на восток…

Мальчишка вспоминает те дни, когда они ехали с Ошкенатом по бесконечной косе. Барон частенько прикладывался к охотничьей фляге и потом долго не мог засунуть ее в карман шубы. Однако всякий раз, перед тем как сделать глоток, он обращался к матери Генриха и говорил:

«С вашего разрешения…»

Они ехали мимо жиденького соснячка, но Ошкенат почему-то принимался расхваливать его:

«Какой лес! Корабельные сосны!»

«Настоящие корабельные, господин фон Ошкенат».

«А скажи-ка мне, Генрих, чей эта такой прекрасный лес?»

«Господина фон Ошкената», – отвечал он.

Довольный Ошкенат кивал, поглядывая на жиденькие сосенки.

«А чей же это луг, Генрих? Смотри, какой прекрасный луг!»

Никакого луга не было: это залив глубоко врезался в косу, лед был покрыт снегом, и от этого действительно могло казаться, что впереди заснеженный луг.

«Правда, прекрасный луг, господин фон Ошкенат».

«А скажи-ка мне, Генрих, чей же это такой прекрасный луг?»

«Господина фон Ошкената, – отвечал он и, показывая на залив, добавлял: – «Все здесь принадлежит господину фон Ошкенату».

«Скажи, пожалуйста, какие прекрасные луга у господина фон Ошкената!»

И все было как раньше, когда они ездили в Роминтенскую пустошь. Только и слышалось: «Господину Ошкенату… Господину Ошкенату!»

Мать Генриха сидела рядом и улыбалась.

«Сын мой, а по-французски ты еще умеешь?» – спрашивал Ошкенат.

И Генрих вспоминал, как Ошкенат учил его говорить по-французски.

Они сидели тогда в гостиной и учили одни и те же слова. Генрих делал элегантное движение рукой и говорил:

«S'il vous plait, madame!»

Однако Ошкенат вечно бывал недоволен Генрихом.

«Грациозней, Генрих! Грациозней! – Толстяк вскакивал и принимался показывать, как надо кланяться и как надо делать рукой, и говорил: – S'il vous plait, madame!».

«S'il vous plait, madame», – говорил Генрих, встав в коляске, кланялся и разводил рукой.

«В Вуппертале, Генрих, когда приедем в Вупперталь, я тебя опять буду учить французскому».

Люди с завистью поглядывали на коляску Ошкената. Мальчишке это было приятно.

Наутро все преображалось.

Ошкенат нервно шагал взад и вперед. То и дело набрасывался на кучера и, дергая за постромки, повторял: «Это мои кони. Моих коней вы загнали!» Женщины и дети слезали с фур и шли дальше рядом.

Часа два в тесной коляске царила гнетущая тишина. Но вдруг Ошкенат снова хватался за плоскую флягу и, толкая кучера, говорил; «Глоток! Один только глоток! С желудком у меня что-то». Но кучер уже наливал флягу до самого горлышка.

И очень скоро вновь наступало преображение. Ошкенат уже опять говорил: «Рикардо» и «мадам».

«В чем дело, Рикардо? Почему мои люда идут пешком? В чем дело? Неужели тебе неизвестно, что я не люблю, когда мои люди идут рядом с фурами?»

Кучер подавал знак, и женщины и дети вновь залезали на повозки. Откинувшись на спинку, Ошкенат снова любовался мелькавшими мимо соснами.

«Прекрасный лес, господин фон Ошкенат!»

«А ты помнишь, Генрих, как мы с тобой невод ставили?»

«Очень даже хорошо помню, господин фон Ошкенат».

«Не говори «фон Ошкенат», говори просто «Ошкенат».

«Хорошо, господин Ошкенат».

«А ты помнишь, как мы с тобой линей ловили?»

«Это за Куметченом, господин Ошкенат? Очень даже помню».

Рыбака, которого звали «дядя Макс», забрали в солдаты. И Ошкенат велел позвать Генриха. Вдвоем они вырезали из старой сети неповрежденные куски и соорудили нечто вроде невода.

«С первого же захода мы с тобой тогда четырнадцать центнеров взяли».

«Четырнадцать с половиной, господин Ошкенат».

«А ведь ты прав. Даже больше четырнадцати было. Верно-верно».

«Чуть что не пятнадцать».

«А щука? Генрих, помнишь, какую мы щуку поймали?»

И впрямь однажды им удалось поймать крупную щуку. Тринадцать килограммов она весила. И была совсем зеленая. Только гораздо светлее обычных.

«Во была щука, господни Ошкенат!»

«Кабан, а не рыба!»

«Мы ее и сачком не могли взять», – сказал Генрих. Однако про линей это была неправда. Генрих хорошо помнил, что у них в сачке оказалась одна молодь и пришлось ее всю выпустить.

«Хороший был улов. Сколько, ты говоришь, мы тогда линей взяли?»

«Девятнадцать с половиной центнеров, господин Ошкенат».

Так они ехали с Ошкенатом четыре дня. На пятый день мама отказалась садиться в коляску. Они долго стояли на обочине, пока их не подобрал солдатский грузовик. Солдаты дали им много одеял, и мама очень много спала, а когда просыпалась, то все убирала пушинки с одеял. И лицо у нее было очень красное.

«Знаешь, Генрих, – говорила она, – так бы и не просыпалась я».

Генрих сейчас хорошо помнит и то горячее чувство, которым он тогда проникся к маме. Он хотел сесть с ней рядом, хотел прижаться к маме. Ему хотелось быть очень ласковым и добрым, говорить что-то очень хорошее. Но кругом были солдаты, и он не смел.

Уже вечерело, когда они слезли с грузовика. Мама тяжело опиралась на Генриха. Быстро стемнело, и они вдруг обнаружили, что у них украли бельевую корзину.

«Не беда, Генрих. Нам бы ее все равно не донести. – У мамы были тогда очень горячие руки. – Ничего, я ничего, – говорила она. – Устала, должно быть». И сразу опустилась на чемодан.

13

А они все идут и идут.

Генрих слышит позади себя, как костыли равномерно поскрипывают, втыкаясь в песок. «Всю жизнь, – думает он, – этот парень будет теперь ходить на одной ноге». Генрих замедляет шаг и идет теперь рядом с Рыжим.

– А у нас была мандолина. Итальянская. В Данциге ее украли. Вместе с бельевой корзиной и украли.

– Мандолина, говоришь?

– Итальянская. Настоящая.

– А ты играть-то на ней умеешь?

– Три песни уже играл. «Елочку», «Хорст-Весселя»..

А он, Рыжий, оказывается, умеет играть на губной гармонике. Какую хочешь песню может сыграть.

– Какую хочу?

– Ну да, – отвечает Рыжий.

– А у тебя она с собой?

– Гармоника?

– Ну да.

– Нет, дома оставил.

Немного помолчали. Потом Генрих спросил:

– Здоровый, должно быть, был снаряд?

– Какой еще снаряд?

– Ну, снаряд, которым вам ногу оторвало.

– Да, это был снаряд!

– А как, осколком или целым снарядом?

– Осколком, – ответил Рыжий. – А еще какую песню ты умеешь играть?

– «Пылай, огонь», – ответил Генрих. – А много этих снарядов было?

– Да, – только и сказал Рыжий.

«Не любит он, когда о его геройстве говорят, – думал Генрих. – Надо ж было, чтобы ему как раз ногу оторвало. Беда какая! А сбоку похоже, что у него под пальто вроде бы сумка». Сначала он, Генрих, думал, что это кобура от пистолета топырит пальто. Но теперь он точно знал: у рыжего инвалида оружия с собой не было.

Вечером Генрих впервые услышал пеночку-теньковку. Сначала будто робко и нерешительно, будто заикаясь, а потом такое знакомое – то вверх, то вниз! В живой изгороди она, должно быть, тенькала.

Генрих растрогался: оказывается, и здесь она поет свою песенку.

Иногда Генрих возьмет да пройдется мимо фрау Кирш. А она то напевает что-нибудь, то просто сидит в сумерках и отдыхает. Он тут как тут, без всякой причины прохаживается. Только когда он проходит особенно близко, фрау Кирш успевает погладить его по голове да еще обязательно скажет: «Радость ты моя!» Генрих покраснеет до ушей. Рядом с фрау Кирш он испытывал что-то такое, чего он совсем не знал. Чем-то это напоминало чувство, какое у него было к маме, но все же это было другое.

– На каком, собственно, фронте вы были? – спросила фрау Сагорайт.

– На Висле, – ответил Рыжий.

– Так-так, на Висле, значит. А в каком госпитале?

Рыжий ответил что-то невразумительное, повторяя слова «полевой госпиталь».

– И после того, как вам ампутировали ногу, вас демобилизовали?

– Зачем это? – вмешался Комарек. – Прикажете ему еще и с одной ногой на войну идти?

Генрих уже два дня назад заметил, что фрау Сагорайт перестала говорить Рыжему «фольксгеноссе». Что-то произошло, но что, он пока еще не знал. И дедушка Комарек теперь чаще разговаривал с ним, Генрихом. Вот и сейчас он передал ему свою кружку и попросил принести кофейку.

Как только Генрих возвратился, старик встал, взял у него кружку, и они вместе вышли со двора на улицу. По дороге Комарек то и дело останавливался и отпивал из кружки.

– Дедушка Комарек, пеночка-теньковка в изгороди тенькала.

– Ты сам слышал?

– Она меня звала.

– Должно быть, вчера вечером прилетела, – сказал старый Комарек, радуясь, что и мальчонка умеет слушать пеночку-теньковку.

Глава четвертая

14

Когда они выходили из леса и пересекали луг, где справа и слева в низинках еще лежал снег, никто не знал, что их ожидает. Дорога поднималась на большой холм. Издали он представлялся огромным добродушным зверем, спящим здесь, среди полей, с незапамятных времен. Кое-где лежали кучки свезенных с поля камней, изредка попадались кусты терновника. Немного дальше дорога резко поворачивала и круто поднималась на холм.

Взобравшись наверх, они сидят, отдыхают. Устали.

Но вот и снова в путь. Но не успевают они сделать и нескольких шагов, как оказываются перед большим, глубоким рвом, должно быть совсем недавно выкопанным вдоль гребня холма, – ни вправо, ни влево не видно его конца. По другую сторону хлопочут солдаты. Ревут тягачи, подвозя зенитные орудия. Однако стволы их направлены не вверх. От того места, где стоит Генрих, видны черные дыры жерл. И пулеметы и минометы. Немного подальше с грузовиков сгружают фаустпатроны. Ребята из гитлерюгенд в светло-коричневых рубашках роют траншеи.

– Нет, не переберемся мы здесь, дедушка Комарек! – кричит Генрих, вылезая из противотанкового рва. – Глубоко и круто очень.

Они отправляются дальше, не находя нигде места для перехода.

– Фрау Сагорайт, – говорит Генрих, – наверняка здесь будет главное сражение.

Некоторые солдаты, отставив лопаты, машут фрау Кирш, которая сегодня повязалась красным платочком. Она машет им в ответ. А фрау Сагорайт, вытянув вперед руку, приветствует какого-то фельдфебеля.

– Сбегай погляди, – говорит Комарек Генриху, – может, вон там, у тех деревьев, мы переберемся через этот треклятый ров.

Вернувшись, Генрих еще издали кричит:

– Пушек сколько! Пушек, дедушка Комарек, пушек страсть сколько!

– Перейти-то там можно?

– У надолбов, дедушка Комарек. Там можно.

Дедушка Комарек давно уже не верит в бога. Однако сейчас он в полном отчаянии думает: «Если ты все-таки есть, Господи, если ты есть, не покинь нас в этот час! Помоги нам пережить этот день!»

Старый Комарек проклинал все, что видел здесь, на вершине холма, и сам ров он проклинал, этот трижды ненавистный ров! И сам себя он проклинал. Проклинал за то, что привел своих на этот холм. Надо, чтобы этот Рыжий сейчас держался поближе. И старик сказал мальчишке:

– Пойди назад. Следи, чтоб никто не отбился!

«Если ты есть, Господи, смилостивься над нами, дай нам пережить этот один день…» – все думал он.

Неподалеку от группы деревьев ров кончался. Здесь в землю были наискосок врыты толстые бревна. Приложив два пальца к шапке, старый Комарек приветствовал солдат.

Но солдаты смотрели только на фрау Кирш. Должно быть, уже успели разглядеть, какая она молоденькая и какая хорошенькая. Трое парней, подбежав к ней, подхватили тележку и перенесли через весь завал… «Дальше, дальше, – думал Комарек, – скорее дальше!» И тут же вдруг почувствовал, что опасность миновала: все внимание солдат было сосредоточено на фрау Кирш. На Рыжего никто и не смотрел.

Без приключений они миновали две деревни, а когда приближались к третьей, снова увидели солдат в усадьбах. И еще они увидели старый, высохший тополь у самой околицы – белесые ветки облупились, кора спала, и ствол светился в лучах заката.

Возможно, что как раз это мертвое дерево и побудило Комарека свернуть к домам: у самого тополя дорога разветвлялась и они, минуя постройки, могли бы пройти прямо на запад.

У первого же дома стояла полевая кухня. Вокруг толпились солдаты. А когда старик со своим маленьким обозом подошел поближе, их пригласили поесть.

– Мы все здесь. Никто не отстал, дедушка Комарек, – сказал мальчонка, садясь между стариком и Рыжим.

Заборы были повалены, в приусадебных садах стояли большие грузовики. Солдаты оказались из разных родов войск: и матросы, и летчики, и ребята из гитлерюгенд в огромных касках. По улице медленно шагали два жандарма.

– Ты поглядел бы, – сказал Комарек, – не найдется ли для нас местечка в какой-нибудь риге. Но сперва съешь свою похлебку.

Потом они опять услышали теньканье маленькой пеночки. И все же в тот вечер царила какая-то непонятная тревога. Генрих никак не мог заснуть. Больше всего ему хотелось побежать к помпе, где собрались солдаты.

– Завтра наши начнут главное сражение, дедушка Комарек, – говорит он.

Но ответа нет. Генрих замечает, что дедушка Комарек крепко спит.

«До чего ж пить хочется! – думает он. – Надо к помпе сбегать».

Он поднимается, достает из чемодана кружку и ощупью выбирается на волю. У помпы он застает и фрау Кирш.

– Знаете, фрау Кирш, какая у меня изжога, ужас! – Генрих единым духом выпивает кружку холодной воды.

А фрау Кирш кладет ему на плечи руки и, привлекая к себе, говорит:

– Радость ты моя!

Светловолосый солдат играет на губной гармошке, ему подпевают: «С тобой, Лили Марлен…» Другие тихо переговариваются.

Высокий худой унтер-офицер стоит рядом с фрау Кирш. Она с ним разговаривает, они смеются. Потом вместе подпевают гармошке. Это совсем молодой человек, темноволосый, в очках.

«Все в жизни проходит, и крутится год, и после зимы наступает весна…» – поют они.

Вернувшись в ригу, Генрих осторожно пробирается на свое место рядом с Комареком. Что это? Он наступил на чью-то ногу? Не могло здесь быть ничьей ноги! Он еще раз ощупывает это место: две совершенно нормальные здоровые ноги. Сомнений быть не может: обе ноги – «инвалида»!

Генрих упал рядом с Комареком на солому. Что же делать?!

– Дедушка Комарек! – тихо зовет он, так тихо, чтобы Рыжий не услыхал. – Дедушка Комарек, это важно, важно очень… дедушка Комарек!..

Но старик не слышит: он крепко спит.

Мальчик поднимается и снова выходит.

«У него же две ноги! Две ноги!» – думает он.

Двор большой, темный. Мальчик взбирается на дышло большой телеги. Он дрожит от возмущения: «У него же две ноги!»

Прошло немного времени. Генрих успокоился и уже подумывает, не вернуться ли ему в ригу. Он подбежит, рывком откроет огромные ворота и во весь голос крикнет: «Я нашел предателя!»

«Что же делать? Что же делать?» – думает он, чуть покачиваясь на дышле.

Наконец он решает встать и выйти на улицу. Но тут слышит: двое вошли во двор, тихо переговариваются. Вот поравнялись с ним. Да это же фрау Кирш с тем очкастым! Они медленно пересекают двор.

15

Около помпы все еще толпится народ. Кто-то играет на губной гармошке.

Мальчик сидит и думает о фрау Кирш, думает о том, что ему следует сообщить кому-то о Рыжем. Да, да, он обязан донести на него, обязан!

Он вышел со двора и вдруг увидел фрау Сагорайт с двумя солдатами. Она в чем-то горячо убеждала их. Тогда Генрих снова забежал во двор и сел на дышло.

Немного погодя мимо прошла фрау Сагорайт. Не заметив его, она осторожно прикрыла за собой ворота риги.

«А если я расскажу о Рыжем, они его расстреляют. Ну что ж, так ему и надо! Да, да, ничего другого он и не заслужил! – размышлял про себя Генрих, но тут же подумал: – Нет, пусть они его не совсем расстреляют. Он же какие хочешь песни может играть на гармошке! Нет, нет, пусть они его не до смерти расстреляют. Пусть прострелят ему одну ногу. Да, так будет справедливо. Надо мне сначала поговорить с дедушкой Комареком».

С улицы во двор зашли два солдата. Жандармы! Пересекли двор – и прямо к риге! Вспыхнул огонек карманного фонаря. Из риги доносятся возбужденные голоса. Жандармы вернулись. Идут и толкают впереди себя Рыжего.

А он – на двух ногах! Генрих соскочил на землю. Рыжий прихрамывал. На нем был только один сапог.

Когда они проходили мимо телеги, на которой сидел Генрих, Рыжий поднял голову, посмотрел на него и улыбнулся. От этой горькой улыбки мальчику стало страшно, он стал трясти головой, хотел крикнуть: «Нет, не я! Я этого не сделал!» – но так и не смог выдавить из себя ни единого слова.

– Вперед! – рявкнул жандарм и толкнул Рыжего в спину.

Правая щека жандармского фельдфебеля была обезображена шрамом, но со стороны казалось, что он смеется. Генрих хорошо разглядел – это был шрам.

Прошла еще минута, и они растаяли в темноте.

«Приснилось мне, что ли, все это?» – думал Генрих.

Комарек услышал голоса солдат, его ослепил луч карманного фонаря, а когда он пришел в себя, то увидел, как жандармы выталкивали Рыжего из риги. Он хотел крикнуть, хотел просить солдат, чтобы они пощадили Рыжего, но он знал: все напрасно!

– Где Генрих? – спросил Комарек, ощупывая место рядом с собой. – Где Генрих? – выкрикнул он и откинулся назад, глядя в темноту широко открытыми глазами.

Он чувствовал, что все, как и он, сейчас лежат на соломе и широко открытыми глазами смотрят в темноту. Никто так и не ответил ему, где мальчишка. Кто-то приоткрыл ворота. Вошел. Оказалось – фрау Кирш. Она спокойно приготовила себе ночлег, ничего не подозревая о том, что здесь произошло…

С самого начала старый Комарек не упрекал мальчика, хотя и решил почему-то, что он-то и предал Рыжего. Сейчас его мучило то, что Генриха не было рядом, но упрекать его он ни в чем не упрекал.

Около полуночи он поднялся и вышел. Генриха он нашел у выезда со двора. Согнувшись, мальчишка сидел на дышле. Было почти совсем темно. Лишь слабый свет мерцающих звезд позволял рассмотреть, что Генрих сидит на дышле, наклонившись вперед и сжав голову ладонями.

– Идем, пора! – сказал старый Комарек. – Нельзя тебе всю ночь здесь сидеть. – Никогда ему мальчик не казался таким маленьким, таким одиноким. – Спать пора, – повторил старик, испытывая какое-то неведомое чувство к мальчику. Чувство это казалось ему чуждым и непонятным, он не смог бы объяснить его, столь неожиданным и новым оно представлялось ему самому. – Идем, пора! Ты совсем продрог.

– Его расстреляют?

– Какое там! – ответил Комарек, стараясь придать голосу беззаботность. – Не расстреляют они его из-за этого.

– Дедушка Комарек, когда я шел от помпы, понимаете, когда я шел от помпы…

– Не надо, – сказал старик, – не будем больше об этом думать.

– Вы говорите, они не расстреляют его?

– Не будут они его из-за этого сразу расстреливать…

До самого утра старик не сомкнул глаз. Он думал о Рыжем, думал с сочувствием и жалостью, но больше всего он думал о мальчонке. При этом упрекал самого себя: «Только ты и знал, старый, что жил сам по себе, все эти долгие годы только и жил сам по себе! Ты же не знаешь, как говорить с мальчонкой, а ты должен говорить с ним». И еще он думал: «Бог ты мой! Как он будет жить с этим? Как ему с этим жить?!»

Они сидят и завтракают. Пьют ячменный кофе. Никто не произносит ни слова.

– Спешить нам надо, – сердится Комарек. Должно быть, хочет поскорей уйти из этой деревни.

– А мы знаем, кто это сделал, – вдруг заявляет одна из сестер-близнецов.

Сразу же все посмотрели на Генриха, но он этого не замечает. Он не сводит глаз с фрау Сагорайт, а та очень старательно увязывает свою поклажу.

Старуха с тоненькими ногами вдруг говорит:

– Чего там, крыса у нас завелась.

«О чем это она?» – подумал Генрих. Он посмотрел на нее и только теперь заметил, как ядовито сверкают ее маленькие глазки, когда она смотрит на него. «Но о ком это она?» – думал он.

Деревню они покидали по той же дороге, по которой прибыли накануне. В ту сторону, куда они шли, уже тянулась вереница людей и повозок. Когда они приблизились к мертвому тополю, впереди началось какое-то волнение. Старая женщина впереди вдруг стала быстро-быстро креститься. Все старались обойти тополь. Тогда и Генрих посмотрел на белесые ветви. А там был Рыжий. Чуть склонив голову набок, он висел на суку и смотрел на всех, кто сейчас проходил внизу. Утренний ветерок растрепал его рыжие волосы, хлопал фалдами зеленого пальто. Рыжий медленно поворачивался. И тогда все увидели и картонку у него на груди.

– Крыса, крыса проклятая!..

– Это не я! – закричал Генрих. – Не я, не я, дедушка Комарек!

Старик обнял его:

– Знаю, знаю, что ты этого не мог сделать. – Он увлек его подальше от мертвого дерева.

Когда крыши домов уже еле виднелись вдали и их обступило огромное поле, все они вдруг ощутили тишину, царившую вокруг.

– Не мучай себя, – сказал старый Комарек. – Пришел бы час, они все равно схватили б его.

– Правда, я не делал этого!

– Знаю. Но теперь забудь, не говори об этом.

«Может быть, и хорошо, что он это отрицает, – думал старик. – Правда, может быть, это к лучшему. О чем бы сейчас поговорить с мальчиком? А ведь поговорить обязательно надо».

– Я тебя все хотел спросить: не с озера ли ты? С Гольдапзее.

Мальчик тут же подтвердил, что он как раз из тех мест.

– Я еще нынче ночью думал, думал, и вдруг мне пришло в голову, что ты тоже, должно быть, оттуда.

– Вы, значит, знаете Гольдапзее?

– И как еще знаю!

– И барона фон Ошкената знаете?

– И барона фон Ошкената.

Вдали загромыхали орудия. Сначала как бы злобно лая, но постепенно взрывы делались все чаще и чаще и скоро слились в один сплошной гул. Казалось, что это вовсе не пушки стреляют, а людской стон стоит.

Глава пятая

16

– А птичку-славку ты знаешь?

– Да, дедушка Комарек, хорошо знаю.

– А вот Большую выпь ты уже знать не можешь!

– Знаю, знаю, дедушка Комарек. И Большую выпь знаю.

В те дни они здорово продвинулись вперед, и Комарек считал, что они скоро выйдут к Одеру.

Генрих лежал на откосе, скрестив руки под головой и прищурив глаза: он хотел увидеть, как горит солнце! А старый Комарек, сидевший рядом, аккуратно отрезал кусочки сала. Один он наколол на нож и передал мальчику.

– Спасибо, дедушка Комарек, не надо мне. – Эти слова он говорил всякий раз, когда Комарек давал ему кусочек сала.

– Я ведь как-то был у твоего отца на кузнице. Он мне якорь ковал, – сказал Комарек, жуя сало и глядя в одну точку.

Тогда он кузнецу точно описал, какой именно якорь ему нужен, и какие размеры должны быть у стержня и у крыльев, и как стержень заставляет якорь занять под водой вертикальное положение, и как крылья зарываются при этом в дно. Любил старый Комарек этот якорек и сейчас прямо видел его перед собой. Помнил он и человека, выковавшего якорь на славу.

– Сейчас он тоже в солдатах?

– Убили его, дедушка Комарек.

Старик вздрогнул. Извинился.

– Четыре года назад, – сказал мальчик. – В Африке его убили.

– Ты уж прости меня, – сказал старик еще раз. – Не знал я.

О Рыжем они уже не говорят. Иногда только фрау Кирш остановится рядом с мальчиком, погладит его по голове и скажет: «Бедный Генрих!» Быть может, и фрау Пувалевски думает о Рыжем, когда не подпускает Генриха к своей тележке. А мальчишке только и надо – вытащить ее тележку из борозды. Однако фрау Пувалевски гонит его прочь. И фрау Сагорайт мной раз остановится и смотрит перед собой в землю, никак оторваться не может. А что, если и она думает о Рыжем? Возможно, что все они иногда думают о Рыжем, по вслух никто ничего не говорит.

Генрих и старый Комарек любят смотреть на ночное небо.

– Это Большая Медведица, – объясняет Комарек. – А вон – Полярная звезда.

Мальчик слушает как завороженный. Он дивится: как хорошо, оказывается, дедушка Комарек знает звезды! А сколько их – ни за что не сосчитать!

– Есть звезды постоянные и звезды блуждающие, – рассказывает старик. – И Земля наша – звезда, она звезда блуждающая.

Все это волнует мальчика. О многом, оказывается, можно им говорить друг с другом! Иногда они нарочно отстают от основной группы, идут позади всех, и тогда…

– …В гусарах?

– Да, да, в гусарах, – говорит Комарек, рассказывая мальчику о своих военных приключениях.

Это было давно, еще в первую войну, и старику порой трудно вспомнить подробности. Но мальчонке все мало, он снова и снова уговаривает дедушку Комарека отстать от всех – ведь

дедушка рассказывал о своих «военных приключениях», только когда они бывали далеко от фрау Пувалевски.

Ничего героического в этих рассказах не было. Гусар Комарек попал в плен к русским. Его отправили далеко в тыл, за реку Лузу. Но вот в 1917 году русские солдаты взяли да воткнули винтовки штыками в землю. Они кричали пленным немецким солдатам: «Война капут! Война капут, камерад!»

– Понимаешь, в Петрограде они совершили революцию, – пояснял Комарек. – Все мы тогда вместе сидели у костра, сидели долго, никак не могли разойтись. Курили русский табак и пели русские и немецкие песни.

Потом было братание, и пленные немцы и русские солдаты обменялись шапками. Он, Комарек, отдал свою гусарскую, а сам надел русскую папаху. «Война капут, камерад!» – кричали им русские. Как только над лесом занялся рассвет, русские солдаты разошлись по домам. А два дня спустя и он, Комарек, отправился в путь – решил пешком добраться до родины.

– И вы все тогда друг с другом обнимались, да?

– Да, да, так оно и было.

– И с русскими солдатами?

– Обычай у них такой, – объяснял старый Комарек. – Перед тем как расстаться, они обнимаются.

Мальчика будоражили рассказы старого Комарека. Представить себе все это он не мог, однако хотел знать еще и еще.

– И свой русский табак они разделили поровну? Правда?

– Правда. Перед тем как нам всем разойтись, они весь табак, какой у них был, высыпали в шапку и разделили поровну.

Гусар Комарек отправился тогда в путь совсем один. Дошел до деревни Поварищево, и тут у него как раз кончился хлеб. От мороза ноги совсем ничего не чувствовали. Он стал кулаками барабанить в дверь первой же бревенчатой избушки.

Ему открыла маленькая старушка, вся укутанная в огромный платок, – бабушка… Как увидела его, так и выскочила прямо в сугроб и втащила его в жарко натопленную избу.

17

Случается, что Комарек рассказывает что-нибудь не так, как накануне: мелочь какая-нибудь не совпадает или он приукрасит что-нибудь. Мальчонка сразу же подмечает это, но ничего не говорит, если, по его мнению, рассказ от этого только интересней делается. Порой Комарек и забудет что-нибудь особенно понравившееся мальчику, и тогда Генрих прерывает старика:

– Так, говоришь? Может быть, оно так и было.

И старик продолжает свой рассказ о бабушке. Уж она-то хлопотала, уж она-то дула и дула, покуда самовар не разгорелся. А он, Комарек, тем временем лежал на печке под одеялом.

– Русская печь, понимаешь… представь себе…

– А она сразу поставила кашу варить, а потом уже побежала в школу за мелом?

Старик задумался.

– Должно быть, сперва поставила кашу варить, – говорит он наконец.

Вчера еще пшенная каша была сдобрена корицей, а сегодня Комарек приправил ее сушеными грушами и черносливом. Мальчишка уже знает в точности каждое движение бабушки. Он ясно представляет себе, как она стоит на коленях перед печкой, подкладывает сырые дрова, как ставит на стол чугунок с дымящейся кашей и даже как движутся ее губы, когда она ест…

– Что ж она, ничего не надела, когда в школу побежала?

– Плохо ты, Генрих, русскую зиму знаешь, – говорит Комарек. – А ватник? Ватник, правда, не новенький, а такой, будто его волки ободрали, однако греть он хорошо греет… – объяснял он.

Вернулась бабушка и стала похожа на снежную бабу. Мел она растолкла в мельчайший порошок, залила его чем-то и хорошенько размешала. Этой кашицей она и намазала обмороженные места на ногах Комарека.

– А говорила она по-немецки или по-мазурски?

– Нет, по-русски, – отвечает Комарек.

Мальчишка все спрашивал и спрашивал, и Комареку приходилось напрягать свою память. Однако годы не прошли для нее даром, русские ее страницы основательно поистерлись. «ПУГОВИЦА», – вдруг прояснилось в ней. Пуговица – настоящее русское слово, и, если он, Комарек, не ошибается, означает оно именно тот предмет, который пришивают к одежде, чтобы ее застегнуть.

– Представь себе, оборвалось у тебя что-нибудь, ты и говоришь: «Пуговица оторвалась»!

«Странные вещи в жизни случаются, – подумал старый Комарек. – Надо ж! Ничего у тебя в голове не осталось, а «пуговица» осталась».

Сколько он ни силился, кроме «копейки» и «рубля», так ничего и не вспомнил.

А мальчишку будто заворожили эти чужие, такие непривычные звукосочетания. Он то тихо и ласково произносил «пуговица», как будто хотел подозвать маленького зяблика, а то сурово и строго, надув губы, произносил «пуговица» так, что у него самого мурашки по спине бегали. Но вдруг он сказал:

– По правде-то, дедушка Комарек, они – наши враги.

– Русский человек – добрый человек. Душа у него хорошая.

– По правде-то они – наши враги.

– И гостеприимен и радушен русский человек.

– Но по правде-то, дедушка Комарек…

Вполне возможно, что старый Комарек рассказывал о своих давнишних приключениях не без умысла, однако возможно, что делал он это и непреднамеренно, толкала его на это какая-то неведомая ему причина: должно быть, хотел вспомнить побольше о том времени.

…Льет дождь. Генрих забежал вперед, взобрался на курган и кричит оттуда:

– Нет ничего! Никакого Одера нет! Справа только деревня виднеется…

Подойдя поближе, они скорее почувствовали, чем увидели: деревня брошена. Старик велел Генриху сбегать посмотреть, заперты дома или нет.

Они стояли и ждали. Дождь все лил и лил.

– Заперты, дедушка Комарек. Были заперты. Кто-то двери выломал.

Старик строго-настрого приказал ничего в домах не трогать, брать только скоропортящиеся продукты.

Скоро в больших плитах затрещал огонь – дров в сараях оказалось вдоволь. Запахло опаленными курами. В просторных крестьянских кухнях зашипело, заурчало… Немного жутко было – должно быть, оттого, что во всей деревне они не застали ни одного человека.

– Дедушка Комарек, а дедушка Комарек! Тут такие хорошие теплые рубашки! Три штуки. Они ведь тоже *скоропортящиеся.*

Старик долго смотрел на Генриха, державшего в руках три байковые рубашки, потом снова повернулся к плите. А Генрих поскорей отложил рубашки на чемодан, стоявший вместе с остальным багажом посередине большой комнаты.

А еще мальчишка обнаружил женскую блузку и тоже отложил. Красивая блузка! Генрих снова поднял ее и стал рассматривать: белая, шелковая, расшитая разными цветами и легонькая, будто перышко ласточки. Сожмешь в кулак – и нет ее, вся помещается! «Как бы она фрау Кирш подошла!»– подумал Генрих и спрятал блузку в карман.

– Я ничего не буду говорить, дедушка Комарек, вы сами скажете, скоропортящиеся они или нет.

Старик увидел на ногах Генриха превосходные сапоги, подошел, пощупал – мягкие шевровые голенища.

– Офицерские, – сказал Генрих. – Там еще лейтенантская форма лежит.

Четыре пары мужских носков ручной вязки, эмалированную кружку – это Генрих отложил для дедушки Комарека. И вдруг он увидал губную гармонику! Даже испугался сперва, вспомнив Рыжего. Он хотел было положить ее обратно на место, но подумал: «Ах, как бы он обрадовался, как бы это было хорошо!» Немного поколебавшись, Генрих засунул гармошку за голенище.

Смеркалось. Генрих и Комарек лежали в широких крестьянских кроватях под красными перинами. Вокруг печи была натянута веревка, на ней сушились рубашки, куртки, брюки.

– Я все проверил, дедушка Комарек. Ничего живого они не оставили. Две курицы, и все.

– Достаточные люди тут жили, – подумал вслух Комарек.

– Никак я не пойму, чего это они всё так бросили?

– От страха, – сказал Комарек. – Страх, вот в чем дело.

– Не верят они в нашу победу, вот почему, – объяснил Генрих.

Они помолчали. Сумерки густели. У стены чернел огромный шкаф.

«Надо тебе обо всем с ним поговорить, – думал Комарек. – Вот сейчас и говори!» Но он никак не мог подобрать нужные слова.

Мальчишка стал опять рассказывать про Ошкената, но скоро почувствовал, что старику Ошкенат совсем не нравится, и заговорил о звездах.

– Уран ты забыл, – прервал его Комарек.

Генрих еще раз перечислил планеты. Кончив, он сказал:

– Сколько лун у Юпитера – не поверишь даже! Мальчонке разговор о звездах казался очень важным, ученым. Неожиданно он приподнялся:

– Слышите? Слышите, дедушка Комарек?

– Дождь шумит.

– Нет. Это другое.

Оба долго прислушивались.

– Вроде бы… лошадь! – сказал Комарек.

Мальчишка хотел сразу же бежать посмотреть, но старик сказал, что это можно будет и утром сделать.

И вот, когда Генрих напряженно вслушивался в доносившееся издали тихое ржание, старый Комарек сказал:

– Война проиграна, Генрих. Может, еще и протянется месяц-другой, но она проиграна.

– Вы, значит, тоже не верите в пашу победу?

– Жалеть об этом не приходится, что так оно получилось. Жалеть надо людей, что погибли на этой войне.

– А как же родина, дедушка Комарек? Как же родина?

– Русские тоже люди, и французы люди…

– А как же родина, дедушка?

– Ты ни с кем об этом не говори, понял?

– Не буду, дедушка Комарек. А как же…

– Ни с кем, ни с одним человеком.

Мальчик пообещал.

Дождь все шумел не переставая. Стало так темно, что они теперь четко видели крестообразный оконный переплет.

– Не надо плакать, – сказал старик. – Это к лучшему, что так оно получилось.

Потом они снова услышали глухое ржание.

– Должно быть, из риги это. Но я ведь везде смотрел…

– Спи! – сказал Комарек. – Завтра нам надо пораньше в путь – война на пятки наступает.

18

Утром они нашли лошадь. Это оказался пегий мерин с жиденькой рыжей гривой и коротким хвостом. Губа отвисла, изнутри она была синяя. Неказистая лошадь, ничего не скажешь.

Генрих и дедушка Комарек несколько раз обошли ригу, заглянули и на ток, потом стали дергать снопы, уложенные до самой крыши. В конце концов они и обнаружили место, где снопы стали поддаваться. Разобрали. Вдруг Генрих закричал:

– Вот она, дедушка Комарек! Вот стоит!

Мерин просунул голову в соломенное оконце и часто моргал, глядя на свет. Хорошенький у него денник получился – со всех сторон закрыт соломой. В углу стояла деревянная бадья, но мерин, должно быть, давно уже выпил всю воду.

Неловко ставя ноги, лошадь, пошатываясь, вышла во двор, но вдруг вырвалась и поскакала к бочке с дождевой водой. И долго-долго пила не отрываясь.

– Ну и ноги у нее!

– Бельгийская это лошадь, – сказал Комарек.

Стоило мерину напиться, как он снова стал смирным. Генрих водил его по двору. Старый Комарек будто всю жизнь только и делал, что возился с лошадьми: то обойдет мерина вокруг, то ногу поднимет – проверяет, крепко ли сидят тяжелые подковы.

– Как вы считаете, дедушка Комарек, она может большую телегу свезти?

– Целую фуру, груженную доверху, свезет, – отвечал Комарек. – На то она и бельгийской породы.

Долго они стояли посреди двора и все не могли наговориться – столько всяких возможностей неожиданно открылось перед ними.

Чемоданы, узлы – всё они теперь уложили в фуру с высокими бортами, а ручные тележки и велосипеды оставили. Проходя мимо, фрау Кирш часто останавливалась, гладила лошадь. Генрих ей объяснял, что это бельгийская лошадь. При этом он думал: «Может, ей сейчас блузку отдать? Нет, слишком много народу вокруг». А мерин, покуда его гладили, шлепал своей отвислой губой и закрывал глаза.

– Королевич ты мой! – приговаривала фрау Кирш. – Королевич ты мой!

– Он бы умер от жажды. Это я его освободил! – уверял Генрих.

Они вынесли из дома несколько старых дорожек и устроили навес над фурой. Но теперь уже осталось совсем мало места, и сена они могли взять с собой лишь немного. Старый Комарек вручил поводья Генриху, позади него устроились, зарывшись в сено, дети фрау Пувалевски.

Генрих достал губную гармошку и давай дуть и так и эдак, подыскивая мелодию песенки «Кому господь окажет добрую услугу…». В промежутках он покрикивал на мерина: «Эй, пошел, мой Королевич!» – и размахивал ивовым прутиком.

Впереди шагает старый Комарек. Но вот он останавливается и ждет: уж очень они отстали со своим мерином.

И о войне думает Генрих. «А вдруг мы ее проиграем?! – размышляет он; мысль эта для него совсем новая и кажется непостижимой. – А как же тогда песня «Старая Англия, мы сотрем тебя с лица земли» и все другие солдатские песни? – Уж одно это не позволяло ему поверить, что война проиграна. – А вдруг и правда это чудо-оружие, о котором сейчас все говорят…»

Мерин то и дело останавливается. Старый он очень! Они дают ему сена. Сидят, ждут. Проходит день, и лошадь еще быстрей устает. Минут шесть она тянет фуру, потом стоит как

вкопанная, сколько Генрих ее ни стегает своим прутиком, сколько женщины ни пихают ее в бок кулаками.

– Я ж говорил, дедушка Комарек, мало сена взяли для Королевича!

Отдышавшись, лошадь все же вновь трогает.

– А ну, давайте все назад! – покрикивает Генрих на мелюзгу Пувалевски.

Не нравится ему, когда они потихоньку подползают к нему или высовываются из-под навеса. Рядом с собой он позволяет сидеть только Эдельгард, но и на нее смотреть невозможно – до того у нее грязный нос!

Дождь то усиливается, то чуть моросит. Да, пожалуй, они напрасно побросали тележки и велосипеды…

19

Когда на следующий день они вышли к шоссе, ведущее к Одеру, дождь перестал, и им удалось втиснуться со своей фурой в ряд повозок, стоявших на обочине. Все вздохнули с облегчением, как будто и впрямь теперь все тяготы и невзгоды навсегда остались позади! Наперебой они расхваливали старого мерина. Однако кормить его было нечем – сено кончилось.

Говорили, что до Одера всего четыре километра, но скоро они узнали, что крестьянские обозы здесь ждут уже двое суток: мост перекрыт, пропускают только военные машины.

После полудня фрау Сагорайт вдруг попросила подать ей чемодан – должно быть, решила идти дальше одна. Когда-то на опушке леса она сказала красивую речь. А в одну из ночей что-то наговорила двум жандармам, и они пришли и забрали Рыжего…

– Вы что, дальше сами понесете, фрау Сагорайт?

– Спасибо тебе, мальчик.

Все они, сидя наверху, смотрели вслед фрау Сагорайт: как она пробиралась между повозками, как стала на краю шоссе и махала проезжавшим солдатам, а то и поднимала правую руку, приветствуя какого-нибудь фельдфебеля.

Фрау Пувалевски проводила ее словами:

– А какие тут речи толкала!

Когда начало темнеть, фрау Сагорайт неожиданно появилась вновь, но теперь уже с кисленькой улыбочкой на лице. Генрих принял у нее чемодан и уложил его вместе с остальными вещами.

– Другой бы там на дороге стать… – шептались сестры-близнецы.

А «другая» тем временем гладила понурую голову мерина, приговаривая: «Бедный ты мой Королевич!»

Неожиданно народ заволновался. Раздались крики: «Эй, пошел!» Защелкали кнуты. Но продвинулись они всего шагов на десять и снова встали. Генрих не вытерпел и побежал вперед. Он все спрашивал:

– Не найдется ли у вас немного сена? Наша лошадь со вчерашнего дня сена не получала.

– А ты дай ей овса, – следовал ответ.

– У нас и овса нет. Нам бы небольшую охапочку…

Позднее люди потянулись к лесу. Они приволокли оттуда толстые бревна, и вскоре над пашней заполыхали костры.

– Ты гляди не зевай! – поучал Генрих Эдельгард. – Они воруют, как сороки.

Отдав девочке вожжи, он приказал ей ни в коем случае не засыпать. Прежде чем уйти, он спросил:

– Сколько тебе лет-то?

– Десять, – ответила она.

– Десять уже!

– А если кто подойдет?

– Кричи. Кричи: «Воры! Воры!» Кричи что есть сил!

По другую сторону шоссе люди толпились у костров. К югу от лагеря над горизонтом полыхало зарево.

Как бы прогуливаясь, Генрих шагал мимо крестьянских повозок. Поглядывал туда-сюда. Хозяева уже позаботились о своих упряжках: перед каждой лошадью лежала куча сена.

«Подумаешь, великое дело! – уговаривал Генрих сам себя. – Наклонился – и дралка с сеном».

– Эй, чего стоишь? Проваливай!

– Вороные ваши хороши очень.

– Да, да, ты только сам вот давай мотай отсюда!

«Там, где вороные, – там неприметней всего, – решил Генрих. – Надо только подождать, пока совсем стемнеет».

Действовал он быстро и решительно: схватив охапку сена, юркнул в кювет и, пригнувшись, добежал до своих.

– Это я, Эдельгард.

Мерин встретил его тихим ржанием.

Соскочив с повозки, Эдельгард плясала вокруг Генриха и расхваливала его на все лады. Генрих не возражал.

Мягкими губами мерин жадно хватал пахучее сено.

Вдруг послышались грубые голоса. Подошли какие-то старики. Один из них сапогом отодвинул сено от морды мерина. Несколько человек набросились на Генриха и стали его бить.

Старый Комарек услышал крик девочки. Большими шагами он бежал через пашню, размахивая своей черной палкой. Подбежав, он загородил мальчонку.

– Вы что… вы что… не троньте!.. – Он так задыхался от быстрого бега, что и слов его разобрать нельзя было.

Но, должно быть, на крестьян произвело впечатление, с какой страстью этот старый человек защищал мальчишку.

– До чего ж мы дойдем, ежели все так! – произнес один из них, подбирая сено.

Они ушли.

– Ты пойди, ляг на спину, – сказал старый Комарек.

Девочку он отправил к костру – погреться. Потом сам поднялся наверх и сел рядом с Генрихом.

– Нет, нет, лежи! Скорей кровь остановится.

– Расскажи про бабушку, – попросил Генрих немного погодя.

Неожиданно прервав рассказ, старик сказал:

– Мы не воры, Генрих. Нельзя нам ходить по рядам и брать чужое сено, понимаешь?.. Кровь-то идет?

– Нет, кажется, перестала, дедушка Комарек.

– Полежи, полежи еще немного. Потом мы с тобой в лес сходим, веток нарежем. Может, он и поест молоденьких веточек.

Наутро они выпрягли мерина, сняли шлею, всю упряжь, связали узлы и чемоданы и навьючили лошадь. Что не поместилось, оставили лежать на земле. Осторожно старый Комарек повел мерина через кювет, а затем прямиком по пашне. И покуда они шли так полем, они все время чувствовали, как оставшиеся на шоссе крестьяне смотрят им вслед.

20

Тихо течет река Одер, неспешно и неумолимо.

Все они тоже притихли. Стоят и смотрят на противоположный берег. Вот спустились к воде, дали мерину напиться и пошли дальше на юг. Вскоре впереди показался домик и сарайчик при нем. Нигде ни души. На чердаке они нашли много сена. Мерин уже стоял по колено в сене, а они все подбрасывали ему.

Старый Комарек обошел берег. Потом все вместе они добрались до небольшой деревушки. У первого же дома их встретил скрюченный в три погибели мужичок. Скорей всего, он уже давно их приметил. Он привел их к реке и показал, где привязана лодка. Кругом валялось не меньше сотни велосипедов, тележек, всевозможных ящиков и картонок, даже две швейные машины. Скрюченный мужичок стоял и ухмылялся противной такой усмешечкой. Он заявил, что это одна-единственная лодка на всем берегу Одера.

– Ну, а если ты денег не берешь, что ж нам тебе дать? – спросил его Комарек.

Скрюченный пожал плечами и ухмыльнулся.

– Бедный мой Королевич! – причитала фрау Кирш. – Бедный мой Королевич!

«Как же с лошадью теперь быть?» – подумал и Генрих, когда они стали снимать с мерина узлы и чемоданы.

– Может быть, он сам за лодкой поплывет, фрау Кирш? – высказал он предположение.

Сразу же вмешался Скрюченный: вода, мол, чересчур холодна – ледяная.

– Доплывет! – сказал Генрих. – Наверняка доплывет.

– Холодная вода чересчур. Ледяная, говорю.

– Тогда возьми лошадь, а нас перевези, – сказал Комарек. – Сам видишь: нет у нас ничего.

Скрюченный покачал головой: чего там говорить, лошадь и так на этом берегу останется.

– Лучше зарежем, чем тебе оставлять! Хоть наедимся досыта, – возразила фрау Пувалевски.

Все сразу заспорили о судьбе мерина. Мальчик принялся умолять Комарека, чтобы мерина не резали.

– Вы тоже не хотите? Правда, фрау Кирш, вы не хотите, чтобы его зарезали?

Но многие высказались за то, чтобы зарезать мерина. Скрюченный не участвовал в споре, только глазки его перебегали с одного говорившего на другого. Он-то знал: не смогут они зарезать лошадь. Понял он и то, что мальчишка много значит для старика. Сам-то он хорошо понимал: барыш от него не уйдет, и только радовался, глядя, как они спорят из-за старой клячи.

– Вы обещайте нам, что не зарежете его! – просил Генрих.

Скрюченный только ухмылялся.

Комарек расстегнул кошачью телогрейку и достал из кармана кожаный мешочек. Долго он что-то расстегивал, потом развернул тряпочку.

– Нет, нет, дедушка Комарек! – закричал мальчик. – Не надо!

Скрюченный мельком взглянул на часы и тут же сунул их в карман. И снова эта усмешечка! Фрау Сагорайт вышла вперед и сняла с пальца кольцо.

– От матери мне в наследство досталось, – произнесла она и опустила кольцо на сморщенную ладонь.

Но Скрюченный и после этого не опустил руки, а держал ее все так же открытой, хищно поглядывая на золотые часики фрау Сагорайт. Она медленно сняла их. Скрюченный, склонив голову набок, переводил взгляд с одного на другого: нет ли еще какой поживы.

– Нет, у нас ничего нет! – хором завопили сестры-близнецы, вцепившись в старую кожаную сумку.

Скрюченный подступил к ним вплотную, ухмыльнулся, и они отдали ему сумку. А он вывернул ее наизнанку: на землю посыпались пачки денег – может быть, десять, а может быть, и пятнадцать пачек. Но Скрюченный взял только небольшой ларец, вывалившийся вместе с деньгами. Он даже не открыл его, а сунул в большой карман куртки. Сестры-близнецы бросились подбирать пачки денег и прятать их снова в старую кожаную сумку.

Только теперь Скрюченный ушел. Они долго ждали его. Наконец он явился с веслами.

Четыре раза лодка переплывала через Одер.

И вот все они стоят на другом берегу и смотрят, как уплывает лодка, как Скрюченный равномерно опускает весла в воду…

А на том берегу рядом с кучей велосипедов стоит мерин. Он поднял голову, но не посмотрел в их сторону. Должно быть, что-то другое заставило его прислушаться.

Часть вторая

Глава первая

1

Совсем как у нас в деревне на озере Гольдап! – думал Генрих. – И совсем все другое…»

Он сидел на подставке для молочных бидонов, болтал ногами и смотрел на деревенскую улицу. Рядом стоял фанерный чемодан. Было утро того весеннего дня, когда в тот год на каштанах раскрылись почки.

Жители деревни копали ямы. Подтаскивали солому. Потом опускали в ямы ящики и мешки с зерном, покрывали все соломой и досками и… закапывали.

Позади Генриха вышел из своего дома хозяин, коренастый, с большим шрамом через весь лоб – от осколка гранаты, должно быть. Поглядел вправо, поглядел влево и убедился, что непосредственная опасность еще не грозит. Заметив мальчишку на высокой подставке, он сказал:

– Господи боже ты мой! Сидит тут и глаза таращит! – и снова скрылся в доме.

Генрих все сидел и смотрел, как жители покидали свои жилища.

Из помещичьей усадьбы вышел человек с огромной скрипкой на спине. Рядом семенила девочка с рюкзаком. У нее были тоненькие ножки и огромные глаза. Неожиданно человек со скрипкой спохватился: оказывается, он не снял свастику с воротничка. Человек положил скрипку на землю и сорвал круглый значок. Генриху очень хотелось спросить, можно ли играть на такой большой скрипке. Он такой никогда не видел. Но девочка вдруг почему-то вцепилась в рукав отца и заплакала. Мать ее, шедшая сзади, тоже плакала. Бросив значок, человек снова взвалил скрипку на спину и зашагал вперед.

Среди жителей, покидавших деревню, шла и фрау Сагорайт. Она шагала рядом с пастором в черном облачении.

– Нет, нет, фрау Сагорайт, я еще подожду немного, – сказал Генрих.

Мимо прошла семья лесничего. У него самого был заткнут рукав в карман. Значит, он без руки! Но за спиной висит ружье. Мать ведет за руку четырехлетнюю девочку. Девочка хнычет: требует, чтобы ей дали куклу. В конце концов мать возвращается в дом и приносит куклу. Лесничий, подняв голову, поглядывает на каштаны.

Прошло немного времени, и со двора выехал крестьянин со шрамом на лбу. Поравнявшись с Генрихом, он придержал лошадей.

– Ты что, ждешь кого? Или один остался? Если один остался, едем с нами.

В повозку были запряжены два крепких коня, а слева без упряжи бежала красивая молодая лошадка с необычайно длинной шеей, шерсть ее отливала голубым. Она шаловливо тянулась губами к гриве матери.

– Ну как? – спросил крестьянин, подвинувшись на козлах и освобождая место рядом с собой.

– Чего пристал, раз сам не хочет! – сказала женщина, сидевшая в повозке.

Когда, казалось, уже все покинули деревню, какая-то старушка открыла калиточку своего палисадника и вышла, будто так – задержалась по хозяйству. За собой она вела на веревке козу и трех ягнят. Сама старушка была маленькая, кругленькая, похожая на церковный колокол.

– Гляди, расстреляют они тебя! – крикнула она Генриху.

Мальчик покачал головой. Старушке не удавалось управляться с ягнятами, и она громко ругала их.

Генрих крикнул ей вдогонку:

– Они совсем не такие!

– Враги наши?

– Ну да, враги.

Старуха обернулась.

– Не бери греха на душу, мальчик! – сказала она строго и поспешила за остальными.

Тихо стало в деревне.

2

Время от времени приходят солдаты, отставшие от своих частей. Они в штатских куртках или пиджаках и в цивильных ботинках. Но есть и такие, что бредут в пропотевших мундирах, с винтовкой и противогазом. Мальчишке все интересно: он подходит к солдатам, объясняет им, куда и как идти.

Потом решает сам пройтись по дворам. Заглядывает в один, в другой… «Вон оно что!» – думает он и переходит в следующий. Вся деревня теперь его. Он тут король!

Так он добирается и до барского дома. Взбегает вверх по широкой лестнице, ногой распахивает двери. И тут же отскакивает в ужасе. Батюшки мои! В прихожей стоит огромный секач. Задрав голову, он обнажил страшные клыки.

Генрих отскакивает к двери, прижимается к ней спиной.

Секач ни с места. Генрих стучит каблуком по филенке – секач ни с места. Да это же чучело!

С досады Генрих даже плюнул в него, потом отправился дальше по переходам, залам и кабинетам.

Красиво здесь – как в сказке! Кое-что напоминает Генриху поместье Ошкенатов. В одной комнате стены красные, в другой – затянуты желтой материей. Стулья тоже желтые, и кресла, и диваны. С потолка ласково смотрят ангелы. Все ящики шкафчиков и комодов выдвинуты, повсюду валяются платья, какие-то коробочки, шкатулки. Генрих нагибается и поднимает с пола бинокль. Сразу вешает себе на шею. А сколько здесь, оказывается, часов… Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать… Семнадцать! Всюду – на стенах, под стеклом, – всюду часы! Генрих слушает. Но ни один маятник не качается – часы не бьют, не тикают. Завод кончился.

А вот еще один салон.

– S'il vous plait, madame!

Какой-то мальчишка стоит и смотрит на него. Даже глаза вытаращил. Ну и видик у него! С Нового года небось не умывался. Нахальный какой! Но вроде бы и присматривается. А похож на мальчика с пальчик: сапоги больше него самого. Нет, нет, что-то тут не так! У него же тоже бинокль… Вот ведь как можно обмануться! Это ж зеркало! Большущее зеркало во всю стену.

Выйдя снова на улицу, Генрих с наслаждением вдыхает весенний воздух. Тихо так, тепло. Слышно, как чирикают воробьи. Кладбищенская ограда вся заросла сиренью… А это что такое? Столб дыма за деревней!

Генрих обежал какой-то сарай и увидел – горит внизу, на берегу озера. Он спустился по проулку до рыбачьего домика. Горел сарай. Неподалеку стоял чужой мальчишка. Вот он наклонился и, подняв весло, бросил в огонь.

– Ты что, нарочно поджег, да?

На мальчишке косо сидела шапочка, штаны рваные. Но рубашка белая, должно быть только что надетая. Было видно, что она сшита на взрослого.

– В камышах прятался?

– Ага.

– Все четыре дня?

– Три.

Мальчика звали Войтек. Поляк. Вместе они подошли к ольшанику, где висели просмоленные сети. Подкатив большой моток сетей к горящему сараю, они толкнули его в огонь. В небо взвился черный столб дыма. Пламя затрещало.

– И веслом он тебя бил?

– Каждый день. И ногами.

Не было между ними ни робости, ни недоверия: прямо и открыто они говорили друг с другом.

Еще прошлым летом Войтек вместе с батраком-поляком бежали из деревни. Все хорошо обдумали, все приготовили, и время было подходящее: началась уборка урожая. Днем они могли спать в снопах. Так и добрались до самого Одера. Ночью переплыли реку. А на другое утро их поймали. Привезли сюда, избили и заперли в пожарный сарай.

Потом мальчишки пошли в деревню. Войтек нес за спиной рюкзак.

– Ты что ж, так пешком в Польшу и пойдешь? – спросил Генрих.

– До Нарева надо добраться. Там у меня мать.

На прощанье они пожали друг другу руки. Уходя, польский мальчик обернулся и помахал Генриху. Вскоре он скрылся в лесу. Но некоторое время Генрих еще видел белую рубашку, мелькавшую между деревьев.

Время от времени здесь слышались отдельные выстрелы. А иногда и пулеметная очередь. Правда, довольно далеко. Казалось, война обогнула деревню, прошла где-то стороной.

Позднее Генрих нашел в камышах две рыбачьи лодки. Но хозяин, прежде чем уйти, повыдергал паклю, и лодки затонули. Из воды торчали носы и деревянные уключины.

«А правда, здесь многое похоже на то, как было дома, но там все-таки лучше! – думал Генрих. – Там на дне озера у самого берега – камни, а под камнями вьюны прячутся. Летом ребята, закатав штаны, ходили по воде, поворачивали камни и прямо вилами выбирали вьюнов».

Сперва-то они дадут предупредительный выстрел, решил про себя Генрих. Он тогда выбежит на деревенскую улицу и знаками даст русским танкам понять, что в Гросс-Пельцкулене нет солдат.

Неподалеку от затопленных лодок Генрих нашел двадцать три карабина фольксштурмовцев. Он вытащил их на берег и аккуратно уложил в ряд.

3

Показались двое на лошадях.

«Ишь, хитрецы какие! – подумал Генрих. – Взяли да отняли у здешних крестьян пару лошадок, да ладных каких!»

Генрих крикнул нм издали:

– Вы правей держитесь, мимо церкви, если вам на мост через Хавель!

Мост, правда, парашютисты давно уже взорвали.

А лошади не рослые, приметил Генрих. Гривы густые, хвосты длинные, до самых бабок. И ноги мохнатые.

– Что-то не видно русских танков. Не скоро еще, наверное… Ничего не слышно?.. – спрашивает Генрих, похлопывая мощную шею лошади.

Молчание всадников озадачивает его. Генрих поднимает голову… Да это ж!.. Каски совсем не такие!.. И форма чужая!.. Генрих роняет поводья. Отступив два шага, он натыкается на забор.

– Ты, маленькая, лошадка пугаться?

Руки Генриха вцепляются в штакетник.

– Лошадка нет рога! – говорит солдат. Достав из кармана табак, он насыпает его на клочок газетной бумаги. Из-под стальной каски выбиваются светло-русые волосы.

Сержант рядом с солдатом смотрит на мальчишку с прищуром, будто взглядом своим хочет просверлить и карманы куртки и голенища сапог.

– Говори, где камерад?

– Камерад?.. Нет камерад… Деревня – нет камерад!

Подумав немного, сержант опять спрашивает:

– А германски парашютист?

– Никс парашютист. Деревня никс парашютист.

Лошади трогают. Из-под копыт поднимается облачко пыли. Вот они уже доскакали до кладбищенской ограды. Русый солдат оборачивается, весело подмигивает и показывает «нос».

А Генрих все так и стоит, накрепко вцепившись в штакетник.

4

И откуда столько маленьких повозок взялось?

Через деревню тянется нескончаемый обоз. И все такое чужое! И так интересно: над головами лошадей – деревянные дуги, а сами лошадки маленькие и мохнатые. Так и кажется, будто они в своих гривах принесли сюда ветер далеких степей.

Мальчишка никак не может взять в толк, как это русские добрались так далеко на этих маленьких повозках! Солдаты сидят на шинелях или прямо на соломе. Иногда кто-нибудь кричит ему что-то, но Генрих ничего не понимает, однако кричит в ответ:

– Здравствуйте! Здравствуйте!

Нравится Генриху простота и непринужденность солдат, нравятся и маленькие лошадки.

Словно завороженный, он пробирается между повозками, подкидывает лошадям сено, помогает распрягать, бежит показывать, где помпа. И очень скоро замечает, что его, оказывается, окрестили новым именем – «Товарищ». Все так и называют его «Товарищ». Только диву даешься, откуда везде уже его новое имя знают.

– Давай, давай, товарищ!

Солдаты подзывают его, угощают кашей. Однако в ней Генрих почему-то не находит ни сушеных груш, ни чернослива. Тем не менее он не устает заверять солдат, что каша очень вкусная. При этом он усиленно кивает, издает какие-то звуки, кажущиеся ему похожими на русскую речь.

Вдруг кто-то хлопает его по плечу. Оказывается, это солдат с русыми кудряшками, который утром ему рожи строил и «нос» показал.

– Я глядеть, глядеть – нет Товарищ!

Они шумно здороваются, будто давно уже знакомы. Мишка дает ему газету, чтобы он оторвал себе клочок для цигарки.

– Война капут! – говорит Генрих.

– Война капут. Фашист капут!

– Пуговица? – вдруг выпаливает Генрих, указывая на нагрудный кармашек гимнастерки, застегнутый золотой пуговкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.